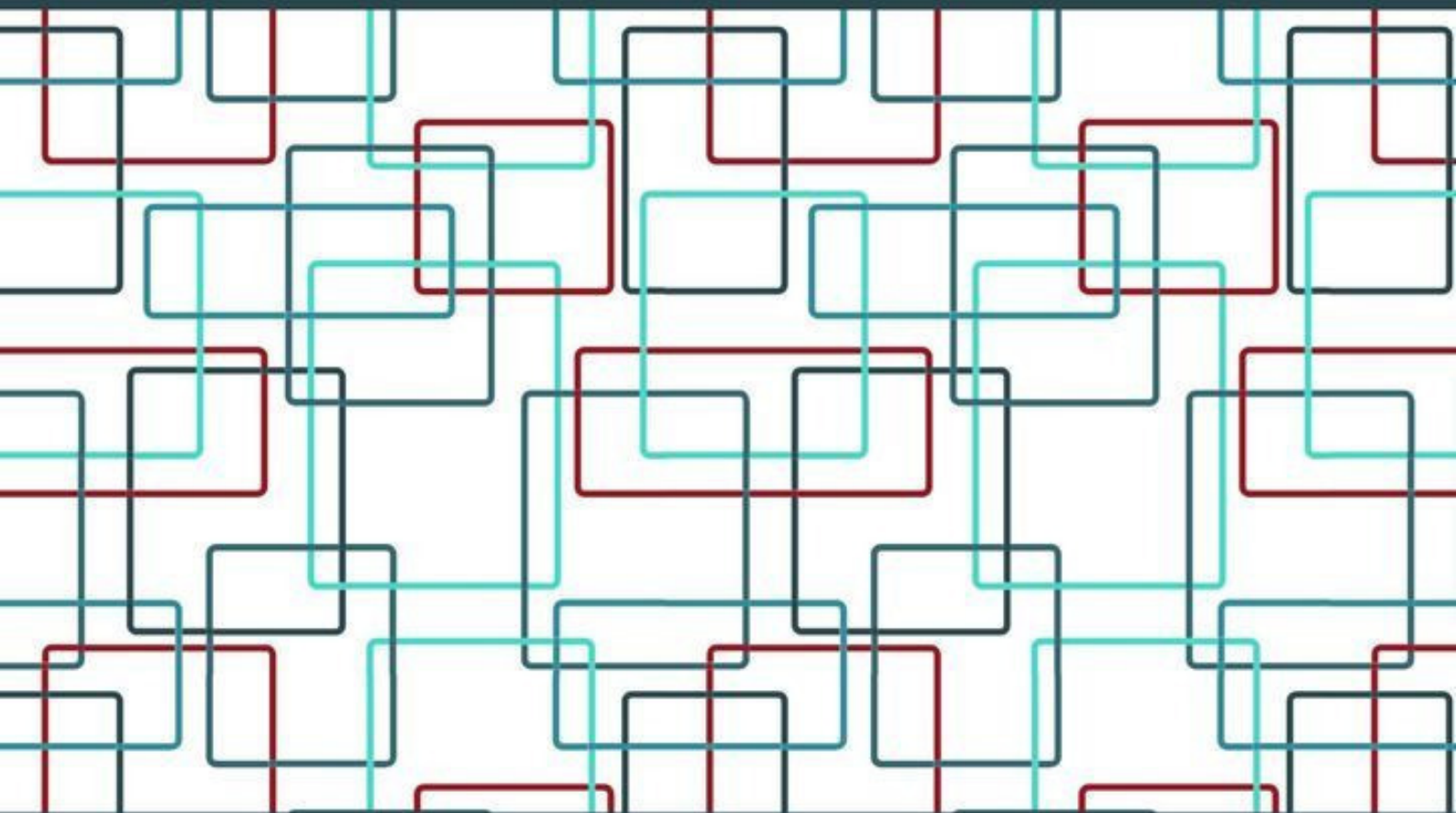

18+

Игорь Сибиряк

ЖИВЁМ И ПОМНИМ

Игорь Сибиряк
Живём и помним

«Издательские решения»

Сибиряк И.

Живём и помним / И. Сибиряк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505866-9

В книге прослеживается судьба старинного уральского села Заводоуспенское Свердловской области Тугулымского округа. В конце девятнадцатого века там была пущена в работу первая во всей Сибири Успенская писчебумажная фабрика компании «Щербаков и К» уральского промышленника Александра Щербакова. Она поставляла высококачественную бумагу за рубеж и ко Двору Его Императорского Величия в Санкт-Петербурге вплоть до событий Октября 1917 года.

ISBN 978-5-00-505866-9

© Сибиряк И.
© Издательские решения

Содержание

БИТВА НА РЕКЕ КРАПИВНА	6
Варнаки	10
Последние клейма	16
Возрождение села Заводоуспенское	21
Из прошлого Зауралья	29
Далекая и близкая Родина	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Живём и помним

Игорь Сибиряк

© Игорь Сибиряк, 2020

ISBN 978-5-0050-5866-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

В книге вкратце освещена битва на реке Крапивна, произошедшая в 1514 году между ополчением русичей и войска литовского. В книге так же повествуется о жизни Урала в конце XIX века, поселении бывших каторжан, варнаков, в селе Заводоуспенское, которое посетил в 1888 году писатель земли уральской, Д.Н.Мамин-Сибиряк, его путевые очерки послужили прообразом многих произведений из жизни Урала и Зауралья. К 70-летию Победы 1941—1945гг опубликованы очерки по архивным материалам истории Великой Отечественной Войны. Показана героическая оборона города Могилёва в июле 1941 года, по воспоминаниям писателя К. М. Симонова. В книге показана жизнь сельских территорий России на постсоветском пространстве. Очерк «Далёкая и близкая Родина» номинирован на премию «Автор Рунета – 2015».

БИТВА НА РЕКЕ КРАПИВНА

500-летию битвы под Оршей посвящается

Цицерон История-свидетель прошлого, свет истины, живая память, учитель жизни..

Вместо предисловия

Волею судьбы, выделенные участки для садового товарищества, оказались расположены в дуге, между Днепром и его притоком, реки Крапивны. Бросовая земля, поросшая кустарником и мелким, смешанным лесом, быстро освоилась жаждущим труда народом. Проходят годы, наступают дикие 90-е годы развала большой страны СССР. Всплывают на поверхность жизни новые течения общественного устройства отделённых государств. Появляются так называемые свободные от всего и стремящиеся к власти «народные фронты». Начинаются поиски национальных приоритетов, в том числе и в историческом прошлом. В один из дней начала сентября конца 90-х, на высоком холме правого берега реки Крапивна, мы, дачники, увидели скопление пришлых людей за воздвижением высокого поклонного креста. Вечером того же дня, у костра собралось множество людей, слышна была речь на белорусском языке. Раздавались возгласы здравницы в честь свободы и независимости Белоруссии. Через некоторое время узнаём, что белорусский народный фронт из столицы, проводил здесь акцию памяти в честь победного сражения великого – княжеского войска Литовского, над войсками Московского княжества, которое состоялось здесь, на реке Крапивна под Оршей, 8 сентября 1514 года. Так мы узнали – в какое историческое место нас определили жить дачной жизнью. Прямо скажем, мы были в полном недоумении – где Литва, а где Орша, и как это войско сюда попало. Одним словом услышанное привело к желанию узнать истинную историю этой битвы и её подробности, а главное удивила победа войска Литовского над войском Московского княжества. Это событие вообще не укладывалось в рамки восприятия. Из учебников истории я не мог вспомнить эту битву, хотя учился в школе хорошо. Это и стало целью моего исторического исследования сейчас, когда появилось время и желание разобраться окончательно в завышенной оценке этой неизвестной битвы в далёком прошлом.

Много летописцев было в нашей истории, и среди них особняком, на почётном месте находятся Н.М.Карамзин, С.М.Соловьёв, В.О.Ключевский. За годы собирательства библиотеки, удалось приобрести полное собрание сочинений С.М.Соловьёва, в 36-ти томах и В.О.Ключевского, в 9-ти томах, ученика Сергея Михайловича, это поистине сокровище нашей исторической науки.

Тщательно и с большим интересом просматриваю тома Соловьёва, в томе 5, часть 2, глава 2, на странице 237, нахожу события, которые предшествовали Оршанской битве, описаны подробно, начиная с 1-го августа 1514 года. Учитывая многочисленные инсинуации, а порой и враньё, в многочисленных публикациях Интернет-сети, привожу полный текст историка. Он читается с интересом и не утомит терпеливого читателя, вознаградит его полнотой знаний о событии трагическом по своей сути в истории нашего Отечества.

1 августа 1514 года после водоосвящения Василий III вступил торжественно, за крестами в Смоленск вместе с владыкою и был встречен всем народом; после молебна и многолетия в соборной церкви владыка сказал ему: «Божиею милостию радуйся и здравствуй, православный царь Василий, великий князь всея Руси, самодержец, на своей отчине, городе Смоленске, на многие лета!». Князьям, боярам и мещанам (горожанам) смоленским Василий объявил своё жалованье, уставную грамоту, назначил им в наместники боярина князя Василия Васильевича Шуйского и позвал их обедать, после чего каждый получил дары.

Устроившись таким образом в Смоленске, великий князь выступил в обратный поход, к Дорогобужу, пославши воевод своих к Мстиславлю: здешний князь, Михаил Ижеславский, присягнул государю московскому, то же сделали жители Кричева и Дубровно. Для оберега-

ния Смоленска на случай прихода Сигизмунда отправился к Орше князь Михаил Глинский; к Борисову, Минску и Друцку двинулись воеводы: двое братьев князей Булгаковых-Патрикеевых, Михаил Голица и Дмитрий Ивановичи, да канюший Иван Андреевич Челядин. Но король Литвы выступил уже к ним навстречу из Минска к Борисову: он надеялся на успех своего дела, и эту надежду вселил в него Михаил Глинский. Видно одно, что Глинский, хотя и не имел обещания великого князя Василия относительно Смоленска, тем не менее надеялся, что ему отдадут этот город, считая себя главным участником его взятия и вообще успеха войны, ибо по его старанию были вызваны из-за границы искусные ратные люди; очень вероятно, что знаменитый пушкарь Стефан был из их числа. Глинский при своём страстном желании получить независимое положение, особое княжество, думал, что имеет право надеяться Смоленского княжества, то со стороны Василия III было бы большою неосторожностью выпустить из рук этот давно желанный, драгоценный Смоленск, ключ к Днепровской области, отдать его Глинскому хотя бы и с сохранением права верховного господства, отдать его Глинскому, характер которого-способность к обширным замыслам, энергия при их выполнении не могли дать московскому государю достаточного ручательства в сохранении этого важного приобретения.

Обманувшись в своих надеждах относительно Смоленска, видя, что ему надобно дожидаться завоевания ещё другого княжества в Литве, завоевания сомнительного, ибо король Литвы уже приближался с войском, Глинский завёл переговоры с Сигизмундом. Он очень обрадовался предложению Глинского, придавая советам последнего большое влияние на успехи московского оружия. Глинский решился покинуть тайно московский отряд, ему вверенный, и бежать в Оршу; но один из ближних его слуг в ту же ночь прискакал к князю Михайле Голице, объявил ему об умысле Глинского и указал дорогу, по которой поедет беглец. Голица, давши знать об этом другому воеводе, Челядину, немедленно сел на коня и с своим отрядом, перенял дорогу у Глинского и схватил его ночью, когда тот ехал за версту впереди от своих дворян; на рассвете соединился с Голицею Челядин и повезли Глинского в Дорогобуж к великому князю Василию, который велел заковать его и отправить в Москву. Королевские грамоты, вынутые у Глинского, послужили против него явной уликой. Распорядившись насчёт Глинского, великий князь Василий III велел своим воеводам двинуться против короля Литовского; тот оставил при себе четыре тысячи войска в Борисове, остальные под начальством князя Константина Острожского отправил навстречу к московским воеводам, у которых, по иностранным сведениям, было 80 000 войска, тогда как у Острожского – не более 30 000 войска.

После нескольких небольших стычек в конце августа Челядин перешёл на левый берег Днепра у Орши и здесь решил дожидаться неприятеля, не препятствуя ему переправляться через реку, чтоб тем полнее была победа. 8 сентября 1514 года произошёл бой: русские начали нападение, и долго с обеих сторон боролись с переменным успехом, как наконец литовцы намеренно обратились в бегство и подвели русских под свои пушки; страшный залп смял преследующих, привёл их в расстройство, которое скоро сообщилось и всему войску московскому, потерпевшему страшное поражение: все воеводы попались в плен, не говоря уже об огромном количестве убитых ратников; река Крапивна запрудилась телами москвитян, которые в бегстве бросались в неё с крутых берегов. Сигизмунд, извещая литовского магистра об Оршанской победе, писал, что москвичи из 80 000 потеряли 30 000 убитыми; взяты в плен: 8 верховных воевод, 37 начальников второстепенных и 1500 дворян. По московским известиям, Острожский сначала занимал Челядина мирными предложениями, а потом внезапно напал на его войско; первый вступил в битву князь Михайла Голица, а Челядин из зависти не помог ему; потом литовцы напали на самого Челядина, и тогда Голица не помог ему; наконец неприятель напал в третий раз на Голицу, и Челядин опять выдал последнего, побежал и тем решил судьбу битвы; но московские источники согласны с литовскими относительно страшных следствий Оршанского поражения.

Дубровно, Мстиславль, Кричев немедленно сдались Литовскому королю. Это предательство не прибавило силы войску литовскому – Смоленск, его граждане бились крепко; Острожский должен был отступить от города, московские ратные люди и горожане преследовали его и взяли много возов. Великий князь одобрил поведение Василия Шуйского, прибавил ему войска и выступил из Дорогобужа в Москву. После этих событий летописцы надолго прекращают рассказ о военных действиях между Москвой и Литвой. Понятно, что первая должна была отдохнуть после Оршанской битвы; но вредные следствия этой битвы для Москвы ограничились только потерей людей, потому что король не мог извлечь из неё для себя никакой пользы, не мог даже вернуть себе Смоленск, приобретение и удержание которого для Василия служили достаточным вознаграждением за все потери.

Вот всё, что изложил С. М. Соловьёв по сути исторической Оршанской битвы. Здесь ни убавить, ни прибавить нечего. На чём здесь возвеличивать Литву и тем более Беларусь? Надо обращаться к достоверным историческим источникам, напрягать ум и трезвое воображение, тогда отпадёт всякое желание ложно подыматься в своих постыдных амбициях и ратовать за «национальное превосходство». История изменяется, а циничные фальсификаторы остаются в тени и забвении.

Последствия поражения под Оршей.

Русские войска после битвы отступили к Смоленску. Литовская армия начала возвращение занятых русскими городов – Друцка, Дубровны, Кричева, Мстиславля, в это же время гетман Острожский, получив от епископа Варсонофия известие о намерении сдать Смоленск, подошел к городу с 6-тысячным войском. Однако московские воеводы, оставленные для обороны Смоленска, вовремя раскрыли заговор и повесили заговорщиков на городских стенах ко времени подхода Острожского. Как писал русский историк Соловьёв: «Острожский посылал к смольнянам грамоты с увещаниями передаться Сигизмунду, тщетно делал приступы к городу: доброжелателей королевских не существовало более, и остальные граждане бились крепко; Острожский должен был отступить от Смоленска, русские ратные люди и горожане преследовали его и взяли много возов. Великий князь одобрил поведение Шуйского, прибавил ему войска и выступил из Дорогобужа в Москву»

Результатом сражения было практическое прекращение ведения военных действий в течении 3-х последующих лет.

Оршанская битва имела тактический успех для войска короля Сигизмунда, однако в стратегическом плане имела весьма ограниченное значение, главной цели похода – возвращение Смоленска они так и не достигли. Смоленск по договору 1522 года вместе с другими областями остался в составе Московского государства.

В то же время Литовское государство ловко использовало победу под Оршей в пропаганде – была развернута широкая пропагандистская кампания в Европе.

Историческое значение Оршанской битвы активно используется для пропаганды рядом политических деятелей Белоруссии, Литвы, Польши, т.к. является крупнейшей из немногочисленных побед над войсками Московского государства в ходе всех русско-литовских и русско-польских войн. При этом ряд белорусских историков и политиков мифологизируют это событие, называют воинов Великого княжества Литовского белорусами, отождествляют Великое княжество Литовское с Белоруссией и полностью отрицают участие поляков в сражении. Из других мифов можно привести утверждения, что в этой битве впервые использовался бело-красно-белый флаг (флаг белорусских нацистов), битва остановила продвижение русских войск на несколько десятилетий, что после битвы были отбиты у Московского государства Гомель, Чернигов и Брянск, что погибло не менее 40 тысяч русских. Потери в таких войнах неизбежны, возвращение утраченных земель вскоре наступит и Русь обретёт былую мощь.

10 сентября 2016 года.

Варнаки

Путевые заметки

Вступление

В конце XIX века, в нашем красивейшем селе Заводоуспенское, Тугулымского городского округа, Свердловской области, проездом по Зауралью, находился несколько дней, знаток и исследователь старины Урала, впоследствии известный и любимый писатель местного населения, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Вот как он описал наше село того далекого времени.

Осенью 1888 года мне случилось побывать в Успенском заводе (Тобольской губ.), и там между прочим я случайно наткнулся на очень интересный материал из недавнего прошлого, о котором стоит сказать несколько слов. Дело в том, что этот Успенский завод – место упраздненной каторги, и всё население сложилось из бывших каторжан. На Урале таких каторг существовало несколько: в Богословском заводе, в Березовском заводе, а затем в Камышловском уезде – Ертарский завод. Успенский завод служил преддверием уже настоящей сибирской каторге. В Богословском и Березовском заводах каторжане работали разную «горную работу», а в Ертарском и Успенском существовали казенные винокуренные заводы, сдававшиеся в аренду партикулярным лицам. Каторжная казенная водка – это уже одно достаточно говорит за себя.

Успенский завод был основан в семидесятых годах прошлого столетия знаменитым уральским заводчиком Максимом Походяшиным. В 1792 году наследники Походяшина передали завод «в казенное содержание», а казна устроила здесь каторгу: два острога – мужской и женский и казармы на 200 человек солдат. Этот винокуренный завод, обеспеченный даровым каторжным трудом, сдавался казной частным предпринимателям. В 1830-х годах его арендовали Медовиков и Юдин, в 1840-х – Орлов, Алексеев и Шнеур, в 1850-х – Поклевский и в 1860-х – Попов. В 1864 г. каторга упразднена, и завод закрылся. В «цветущее время» существования этого оригинального промышленного предприятия выкуривалось водки до 700 000 ведер, а после откупа производительность сразу упала на половину. Домов в заводе было до 500.

Коренное жительство было в деревне Земляной, а около неё уже разросся каторжный завод. Отбывавшие каторгу устраивались здесь в качестве поселенцев заводили дома, женились и вообще окончательно входили в состав мирных граждан. Таким образом сложилось оригинальное население больше двух тысяч, – были тут и поляки, и турки, и черкесы, и немцы, а главным образом свои расейские – москвичи, рязанцы, вологжане, донцы. Последний каторжный с рваными ноздрями умер в 1877 году, а сейчас еще остается человек 30 стариков и старух, бывших каторжных. Я видел двоих стариков «с знаками»: на щеках глубоко вытравлена и затерта порошком каторжная азбука. Таких знаков существовало несколько: Б – бродяга, К – каторжный, С. П. – ссыльно-поселенец, Б. С. К. – бродяга ссыльнокаторжный. Замечательно то, что это каторжное население, сложившееся из отбросов и отребья крепостной России, ничем не выделяется в среде других деревень и сел, и даже состав преступлений самый ничтожный. Это знаменательный факт, потому что Урал и Сибирь по части всяких нарушений закона, грабежей и вообще душегубства стоят очень высоко. Убийства в Успенском заводе случаются крайне редко, тогда как на других уральских заводах они, к сожалению, составляют почти заурядное явление. Конечно, такой малый процент преступлений в Успенском заводе объясняется не воспитательным влиянием каторги, а некоторыми исключительными условиями, о которых будет речь ниже.

– Чем же теперь живут в заводе? – спрашивал я одного старика.

– А как водку прекратили, ну, народ и побрел... Бабы ковры ткут, мужики деревянную посуду делают, а которы в Сибирь зачали уезжать. На Олекму, на золотые промысла ездят...

Поживет там год-два артель – и домой. Большие деньги вывозят... Извозом тоже занимаются, пашню пашут. У кого на что сноровка...

Каторга уничтожена в 1864 году, и 2 1/2 тысячи заводского населения остались без куска хлеба. Кажется, уж тут все поводы для «шалостей» – и тракт из Тюмени под рукой, но часть населения изобрела свое домашнее «рукомесло», а другая часть разбрелась. Года два тому назад Успенский завод опять ожил благодаря выстроившейся здесь громадной бумажной фабрике товарищества Щербакова и К°.

– Вот, когда Поклевский был – все хлеб ели, – единогласно утверждают все старожилы.

– Умственный был человек... И себя не обижал, и нам около ево тепло было. Конечно, Попов, который его заступил, тоже хороший был человек, да только денег у него не было... Светло уж очень жил. Арендатор Попов, при котором закрылся завод, оставил по себе легендарную память. Ездил в каретах, шампанское лилось рекой, и в господском доме постоянно веселилась толпа гостей, наезжавших к тароватому хозяину со всех сторон. Одних служащих в конторе было больше ста человек.

– Главная причина: добрый был человек, – объяснял ямщик, который вез меня в завод. – Этих гостей нетолченая труба, и летом каждый день на острова ездили с музыкой. И что за жисть только была! Например, у Попова кучер, под кучером другой, под другим третий – человек пятнадцать кучеров. Тоже вот прачка – кажется, последнее дело, а под первой прачкой другая, под другой третья, под третьей четвертая... Каждый вечер рабочим на фабрике порца водки. Добреющий был человек...

В шестидесятых годах в Успенском заводе образовалась целая колония из ссыльных поляков, и, как рассказывают старожилы, Достоевский, возвращаясь из Сибири, заезжал сюда и гостил недели две.

Наружный вид завода ничего особенного не представляет: большое селение точно заросло в лесу. Есть заводский пруд, есть развалины солдатской кордегардии с высокой деревянной каланчой; от острогов остались только фундаменты. На месте «винной фабрики» теперь валяются кучки щебня, старые бревна и разная другая ломь. На берегу пруда выросла новая фабрика, скрасившая своими новенькими корпусами весь завод. На площади, в двух шагах от фабрики, стоит каменная церковь, построенная каторжными; в ней старинный иконостас, пожертвованный Екатериной II. Улицы широкие, выстроенные по плану, дома на заводский лад – вообще внешний вид хоть куда. Кое-где у домов садики – это уж не по-сибирски, а по-расейски. Сибиряк вырубает всё около дома дотла, и садики занесены сюда с Волги, а может быть, даже из Малороссии.

В Успенском заводе я прожил несколько дней и внимательно наблюдал каторжное население, по-сибирски – варнаков. Ничего особенного – люди как люди, хотя большинство попадавшихся физиономий не местного происхождения – такие лица попадают только в коренной России, под Москвой или на Волге. «Желторотые» сибиряки красотой не блещут.

– У нас тут всякого жита по лопате, – говорил мастеровой с фабрики. – Со всей Расеи народ согнат... Все мы варначата, потому либо отец варнак, либо мать варначка, а у других дедушко или баушка.

Мне очень хотелось познакомиться с архивом, оставшимся после каторги, но он перевезен в Тюмень. В мои руки случайно попался список каторжан, сделанный по архивным документам одним любителем. Этот скорбный лист занимал десятки страниц, и я с особенным вниманием просматривал его – под этими фамилиями, датами и цифрами похоронено было столько ужасов... Но из разрозненных явлений и случаев постепенно выступали некоторые общие мотивы, для которых я и сделал выписки. Прежде всего, выделились такие преступления, которые более не существуют: преступления против помещицкой власти, нарушение соляного акциза, неисполнение разного воинского артикула и т. д. Остальные преступления хотя и носили общий характер – воровство, поджог, грабеж, разбой, всевозможные формы душе-

губства, но всё это имело своей подкладкой жестокий крепостной режим. Именно здесь, в этой архивной пыли, воочию можно было видеть то вопиющее зло, которое наполняло до краев тогдашнюю жизнь, и каторга являлась только продолжением нормального существования. Мы слышали такой отзыв от одного варнака, что они только здесь, на каторге, «впервые увидели свет» и возблагодарили бога за избавление от крепостного житья.

В списке было пометено 950 каторжан, из них 20 женщин.

Рассматривая состав бабьих каторжных грехов, мы нашли, что половину их составлял поджог – это легкое средство мести бессильного и бесправного человека. Большинство поджигательниц – крепостные: Евдокия Опечуркова, 35 лет – за поджог 5 лет каторги и 50 розог; Ксения Борисова, 17 лет – за подстрекательство к поджогу дома своего помещика 5 лет каторги и 100 розог; Анисья Грабинская, 25 л. – 4 года каторги и 30 плетей; Василиса Исидорова, 30 л. – 4 года каторги и 30 плетей; Василиса Лаптева, 18 л.– 3 года каторги и 35 плетей; Василиса Сидорова, 30 л.– 4 года каторги и 30 плетей; Вера Ильина, дворовая девка, 22 лет – 3 года каторги и 35 плетей. Целых три крепостных Василисы... Сюда же попала крепостная крестьянка Анна Пладде, она же Циммерман, 18 лет – за поджог 2 года каторги и 40 розог. Из некрепостных поджигательниц занесены в список всего две: крестьянка Пелагея Кручинина, 27 лет, и крестьянка Евдокия Ильина, 30 лет. Дальше следуют убийцы: Екатерина Нестерова, 23 лет, солдатка – за детоубийство 4 года каторги и 15 плетей; Ксения Шестакова, кр., 44 лет – за убийство 19 лет каторги и 10 кнутов; Аполлинария Иванова, кр., 30 лет – за отравление мужа 38 лет каторги и 5 кнутов; Марианна Гринич, крестьянка, католичка, 35 лет – за убийство дочери 4 года каторги. За кражу со взломом всего две женщины: Марианна Маевская, мешанка, 40 лет – 4 года каторги, и Наталья Васильева, кр., 50 лет – 2 года каторги и 20 розог. Отдельно стоят в этом списке две преступницы: Анжелика Чувашева, вдова подполковника, 60 лет, католичка – 5 лет каторги «неизвестно за что», и Мария Рубленова, кр., 25 лет – «за ограбление у помещика своего денег с насилием и укушением пальцев его» 5 лет каторги и 40 плетей. Этот скорбный лист заключается двумя женщинами-бродягами: Ольга Васильева (она же Рыбицкая), 41 года, православная – «за кражу младенца и название себя еврейкой, а младенца сыном и принятие второго крещения» 5 лет каторги, и просто «Матрона» – бродяга, 30 лет, православная, – «за бродяжничество и сокрытие своего звания» 4 года каторги и 40 розог. Заметьте, как тепло звучит у этих несчастных бродяг: православная – всё потеряно, даже имя, но осталось это одно.

Список относится к 1850-м годам и к началу 1860-х. Преступления, особенно поджог, дают основание предположить самозащиту или месть, а так как большинство преступниц все молодые, то можно подозревать здесь самые обыкновенные жертвы помещичьего темперамента... Это так же просто и естественно, как то, что молодая солдатка Нестерова прижила без мужа ребенка и со страху убила его. По части наказаний мы видим, что с бабами не церемонились: розги – самое легкое, а дальше следовали плети и даже кнут. Единственным преимуществом было то, что баб не наказывали шпицрутенами.

Переходим к списку мужчин, подавляющее превосходство которых в численном отношении бросается в глаза и сейчас.

Просматривая имена татей, грабителей и убийцев, прежде всего удивляешься большому проценту «святотатства» – тогда святотатством считалась каждая кража из церкви. Таких святотатцев из 930 человек я насчитал 54 души, а, вероятно, в действительности их было гораздо больше, потому что не у каждого каторжного имени значится состав преступлений. Вот несколько примеров таких святотатств: пономарь Наумов, 22 лет, «за присвоение себе 65 коп. дохода, общего всем членам причта, и кражу из церковного ящика 30 коп.» наказан 10 розгами и присужден к 4 годам каторги; другой пономарь, Пахалович, 23 лет, «за кражу из церкви» – 30 плетен и 1 года каторги. Но больше всего преступников против власти помещиков. Одних «убийц своих помещиков» в списке 26 человек, а кроме того масса других случаев – непо-

виновение, сопротивление, побои, истязания. Вот характерные образцы: Аггей Фомин, крепостной крестьянин, 33 лет, «за неповиновение помещице» – 5 лет каторги и 1 500 шпицрутен; Вас. Михайлов, 39 лет, крепостной крестьянин – «за истязание помещика» 18 лет каторги и 20 кнута, Иван Андреев, крепостной крестьянин, 35 лет, «за неповиновение помещице» – 5 лет каторги и 1 500 шпицрутен, и тут же Ивет Евлампиев, крепостной крестьянин, 30 лет, «за кражу сахара у своей помещицы» – 6 лет каторги и 40 плетей, а крепостной крестьянин Александров, 25 лет, «за кражу из ульев меду» – 5 лет каторги и 40 плетей. Этим крепостных преступлений масса, и с ними в ряд могут быть поставлены только нарушения воинского устава, субординации и вообще воинской чести. Таких попавших в каторгу солдат особенно много: Алексей Змеев, ратник, 30 лет, «за оскорбление поручика» – 4 года каторги; рядовой Влас Космин, 55 лет, «за грубость офицеру и намерение убить себя» – тоже каторга; рядовой Лаврентьев «за беспорядки 60-го года» – каторга; Антоний Некипелов, «военный» – «за желание сорвать эполеты с майора» – тоже, но Некипелов бежал; «военный офицер» Игнатий Рябинский, 52 лет, «как вредный для службы», получил 3 000 шпицрутен, да еще «за разные поступки» уже в каторге 25 кнута. Пред глазами проходит бесконечный ряд жертв аракчеевской муштры и николаевской военной выправки – в результате каторга, плети, кнут, шпицрутен. И всё это происходило не далее, как в 1850-х и 1840-х годах... В списке есть рядовой Максим Паскевич, православный, 62 лет, который «как вредный для службы» получил 4 000 шпицрутен, а потом рядовой Кулишенко, 52 лет, «за побои офицера» получил 3 000 шпицрутен.

За выделением этих двух самых больших групп, остальные преступники разбиваются на небольшие кучки. Совершенно изолированно стоят «политические», против фамилий которых, ввиду канцелярской тайны, стоит в большинстве случаев отметка – «неизвестно за что»; это жертвы завоевания Кавказа и польских смут. Так, «магометане» Лбдул-Манав-Аллах-Верды-Оглы и Азыс-Ага-Гаджи-Измаил-Оглы, оба 20 лет, оба судились «за бунт и грабеж» и оба приговорены к 8 годам каторги и 1 600 шпицрутен; затем польский дворянин Франц Кохановский, 38 лет, «за принятие участия и тайном обществе, обнаруженном в Варшаве в 1848 г., имевшем целью восстановить демократический образ правления в Польше посредством бунта 1852 г.», приговорен к 4 годам каторги. Главный контингент политических образовался уже в 1860-х годах, но в находившемся у меня под руками списке фигурировали преступники только 1840-х и 1850-х годов.

За контрабанду соли пострадали двое крестьян: Иван Исаков, 61 года, и Прокопий Игнатьев, 35 лет; число лет каторги первому не отмечено, а второй присужден на 18 лет.

Вышеприведенные группы преступников являются результатом исключительных обстоятельств своего времени, теперь уже не существующих или значительно смягченных. В Успенском заводе именно такие преступники составляли большинство, а за ними уже следовали заурядные тати, грабители, душегубы и вообще насильники. Из этой последней группы необходимо выделить, отдельные случаи, которые существуют сами по себе. Так, преступников против веры всего двое: раскольник Степанов, 35 лет, за распространение раскола и сорвание иконы св. Митрофания с произношением слов: «кому вы молитесь?» – 4 года каторги, и государственный крестьянин Толоконников, 38 лет, «за соращение в молоканство православных» – 40 плетей и 7 лет каторги. За ними следуют жертвы темного суеверия: крепостной крестьянин Пылаев, 47 лет, «за кражу и достачу сала человеческого для колдовства» и крепостной крестьянин Павлов, 44 лет, «за кражи и вырытие могилы для достачи человеческого сала для колдовства» – оба присуждены к одному году каторги. В заключение остается сказать о смешанных преступлениях: Андриян Сагалянов, из дворян, 26 лет, «за похищение из банка общественного призрения 1 750 р.» – 5 лет и 8 месяцев каторги; барабанщик Рысков, 34 лет, «за оскорбление монахини» – 4 года каторги; Викентий Габрилатис, католик, 38 лет, «за нанесение побоев дворянину и самоуправство» – 3 года каторги; купеческий сын Клавдий Руд-

нев, 29 лет, «за делание фальшивых ассигнаций» – 4 года каторги; дворянин Михаил Дурасов, 35 лет, «за подложное действие при доставке рекрут» – 18 лет каторги; Яков Ожаровский, уроженец Варшавы, «за злостное банкротство» – 1 год каторги; мещанин Порфирий Поленов, 32 лет, «за фальшивые ассигнации, бродяжничество, ношение ордена Станислава 3-й степ., побег и убийство» – 3 000 шпицрутен и т. д.

Нам остается еще сказать о наказаниях, которым подвергались в то доброе старое время. Если уж женщин наказывали плетями и кнутом (заметим в скобках, что русская женщина, если не имеет многих гражданских прав, то по части наказаний достигла почти полной равноправности), то о мужчинах и говорить нечего. На первом плане стояли здесь шпицрутены, перецеголявшие даже национальные батоги, – немецкая обезьяна кусалась больно... Отсыпали их нещадно, и счет шел прямо на тысячи. Высшая мера – 4 000 шпицрутен. В списке только трое получили такое возмездие: уже упомянутый выше рядовой Паскевич (заметьте, рядовой 62 лет), потом Алексей Копьев, «из мещан», 25 лет, «за грабеж почты и пьянство» и крестьянин Шелковский, 38 лет, «неизвестно за что», как помечено в списке. Эти трое прошли «зеленую улицу» насквозь... Получивших по 3 000 шпицрутен значительно больше, и мы насчитали их до десяти: крепостной крестьянин Ант. Степанов, 43 лет, «за убийство солдатки»; рядовой Павлов, 46 лет, «за грабеж и истязание»; рядовой Григорьев – «причина неизвестна»; Василий Рыжих, военного звания – «за убийство»; Иван Михайлов, «из арестантов» – «за убийство и побег»; рядовой Евдокимов, 41 года, «за неприличные наименования высочайших особ»; рядовой Кулишенко – «за побои офицеру»; унтер-офицер Илларионов, 62 лет, – «за убийство»; крепостной крестьянин Морозов, 35 лет, – «за поджог»; крепостной крестьянин Харитон Иванов – «за сопротивление власти» по высочайшему повелению был наказан 3 500 шпицрутен.

Из Успенского завода вез меня ямщик «из варначат».

– Все мы тут варнаки, – улыбнувшись, заметил он. – Теплое место было прежде-то...

– А нынче как?..

– Как в протчих местах, всё единственно... Одно званье осталось, што варнаки или варначата. У меня дедушко пришел сюды каторгой-то, а мы всё еще в варначатах числимся...

– А бабушка здешняя?

– Нет, и баушка тоже из острогу была. Назвать бабушку варначкой у ямщика не пошевелился язык. Повернувшись ко мне лицом, он как-то быстро, точно оправдываясь, заговорил:

– Строгая у нас баушка-то была, барин... И дом какой, и хозяйство всё она, и нас всех на ноги подняла. Да этакую женщину с огнем искать надо по всей империи, а она из острога замуж то выходила... Конечно, от сумы да от тюрьмы не отказывайся, а баушка по обязательному времени попала. Помещик у них был змей, ну, она девка красивая, он её в девичью, а она дом и подпалила... После-то сказывала, што каторга-то у них там осталась в Расее, а здесь свет увидала.

– А много еще старух осталось у вас, которые были в каторге?

– Как же, есть... Человек двадцать, поди, наберется. Все справно живут... Тоже из обязательных больше. Как кончила каторгу, сейчас и замуж. Ни одной не осталось зря, а все по семьям разошлись...

– А ты помнишь каторгу-то?..

– Как не помнить, барин... На моих памятях сколько народичку прошло. И то мне удивительно было, што сколько в остроге женщин ни было – все молодые и все красивые. Куды супротив них сибирским девкам или бабам... Одно слово, наши: расейские. Конечно, обижали их и конвойные, и пристава разные. Женское, слабое дело – вся чужая... Был тут один смотритель, старик уж и женат на другой жене, а какой был погонный до каторжных баб.

– То-есть ни одной не пропустит, и ночевал у них в остроге...

– Как же они выходили после замуж?

– Да ведь за невольный грех и бог не взыскивает, барин...

Одно слово: обязательное было время.

Мы целую дорогу проговорили на эту тему, – ямщик попался словоохотливый и рассказывал про свое житье-бытье. Лицо у него было худое, с большими темными глазами и острым носом. В общем вся фигура самая обыкновенная, без всяких особенных примет.

– Кроме русских и другие были на каторге?

– Всякие были: немцы, черкесы, поляки, турки... Ничего, хороший народ. Турок один на русской был женат и черкесы тоже. Они сами-то уж все перемерли, а дети остались... Ничего, хороший народ. У меня отец когда был в солдатах, так доходил до Петербурга. Дедушка-то из купчества был, так, значит, тетка в Петербурге оставалась. Богатая купчиха, а дом заломи-голова. Ну, она больно звала отца-то переезжать в Петербург и место обещала, а моя-то баушка не захотела, да и отец тоже. Привыкли к здешним местам, обзаведенье всякое, родня кругом, а там еще что будет. Другие тоже живут не хуже нас. Так и остались. Ничего, живем помаленьку.

– А ты помнишь, как наказывали каторжных?

– Как не помнить... Палач Митрий Иванович из Тюмени каждую субботу наезжал. Двенадцати вершков росту, рожа у него страшная и постоянно пьяный ходил. Он из хохлов сам-то. Ну, ежели ему посылки не сделает арестант, он его и отполирует. Так с плетью и ходил по всему заводу... Ну, а что касаемое палок, так это опять от солдат происходило.

В Успенском заводе сохраняется до сих пор целый цикл каторжных песен, но собрать мне их не удалось.

Д. Н. Мамин-Сибиряк 1888 год

Последние клейма

Путевые заметки

1.

Яркий солнечный день. Короткое сибирское лето точно выбивалось из сил, чтобы прогреть хорошенько холодную сибирскую землю. Именно чувствовалось какое-то напряженное усилие со стороны солнца, та деланная ласковость, с которой целуют нелюбимых детей. А в ответ на эти обидные ласки так хорошо зеленела густая сочная трава, так мило прятались в ее живом шелку скромные сибирские цветочки, так солидно шептал дремучий сибирский лес какую-то бесконечную сказку. Да, и солнце, и зелень, и застоявшийся аромат громадного бора, – недоставало только птичьего гама. Сибирский лес молчалив, точно он затаил в себе какую-то свою скорбную думу, которую раздумывают про себя, а не выносят в люди. Мне лично нравится эта молитвенная тишина кондового сибирского леса, хотя подчас от нее делается жутко на душе, точно сам виноват в чем-то, и виноват по-хорошему, с тем назревающим покаянным настроением, которое так понятно русскому человеку.

– Эй вы, залетные! – покрикивает сибирский ямщик, который сидит на облучке «этаким чертом». Мне кажется, в его голосе звучит какая-то смутная ласковость, вызванная хорошим летним днем. Со своей стороны, я инстинктивно стараюсь попасть в тон этому настроению и завожу один из тех бесконечных разговоров, которые ведутся только дорогой.

– Ты из Успенского завода, ямщик?

– Так точно.

– У тебя там дом есть, то есть свой дом?

– А то как же? – удивляется ямщик несообразному вопросу. – И дом, и обзаведенье..

Это говорится таким тоном, точно все люди должны иметь собственные дома и свое обзаведенье.

– Так есть дом и обзаведенье? Что же, хорошо.

– Какой же я буду мужик, барин, ежели, напримерно, ни кола ни двора? Которые правильные мужики, так те никак не могут, чтобы, значит, ни на дворе, ни на улице..

– Так-то оно так, да ведь у вас на заводе того.. гм..

Ямщик оборачивает ко мне свое лицо, улыбается и одним словом разрешает застрявшую фразу:

– Варнаки мы, барин.. Это точно. Уж такое место.. да. Каторга, значит, была. Оставили ее, каторгу-то, когда, значит, волю дали. Ну, а мы-то остались, как и были, варнаками. Все под одну масть.. Так все и зовут нас: успенские варнаки.

Все это говорилось таким добродушным тоном, что делалось жутко. Я только теперь рассмотрел своего ямщика. Это был еще крепкий старик с удивительно добрым лицом. На мой пристальный взгляд он снял шапку, откинул на виске волосы и проговорил:

– Из клейменных, барин..

На виске были вытравлены каким-то черным составом буквы С и П, что в переводе с каторжного языка значило: ссыльнопоселенец.

– С тавром хожу, чтобы не потерялся..

– Ты, значит, тоже на каторге был?

– Коренной варнак. Уж нас немного осталось, настоящих-то, а то все молодь пошла. Значит варначата..

– Из какой губернии?

– Мы рязанские были.

Старик совсем повернулся ко мне и заговорил как-то скороговоркой, точно боялся забыть что-то:

– Значит, мы княжеские были. Именье-то было огромное, а княжиха, значит, старуха была, ох какая лютая. Сыновья у ней в Питере служили, офицеры, а она управлялась в усадьбе. Здоровущая была старуха и с палкой ходила. Как саданет палкой, так держись. Лютая была. Ну, из-за нее и я в каторгу ушел. Только и сама она недолго покрасовалась. Повар у ней был, ну так она каждое утро его полировала первого. Терпел он, терпел, ну, раз вот этак утром-то как ударит ее ножом прямо в брюхо. Так нож и остался там. К вечеру померла. Ох, лютая была!. Повара-то засудили тут же.. Четыре тыщи палок прошел. Могутный был человек, а не стерпел – на четвертой тыще кончился.

Старик сделал паузу, тряхнул головой и опять любовно и весело прикрикнул на лошадей:

– Да эх вы, залетные!..

Лошади дружно рванулись и полетели вперед, чуя близость жилья. Лес поредел, точно он расступался сознательно, давая дорогу. Показались покосы, рощисты, просто поляны и лужайки. Мелькнула прятанная в зелени полоска воды, прогремел под колесами деревянный мостик, шарахнулась в сторону стреноженная лошадь, побирившаяся около дороги, а там впереди уже сквозь редешную сетку деревьев смутно обрисовался силуэт высокой колокольни. Через несколько минут раскрылась вся картина каторжного пепелища в отставке. Как-то странно было увидеть это солнце, всевидящим оком радостно сиявшее над местом недавнего позора, каторжных воплей и кровавого возмездия. Ведь оно и тогда так же сияло, как сейчас, оставаясь немым свидетелем каторжных ужасов.

Что-то вроде предместья, грязная улица, целые ряды горбившихся крыш, точно чешуя гигантского пресмыкающегося, вдали до краев налитый заводской пруд, у плотины новое громадное здание строившейся первой в Сибири писче-бумажной фабрики, выходившей главным фасадом на заводскую площадь с какими-то развалинами.

– Вот тут была каторжная пьяная фабрика, объяснил мой возница, указывая на эти развалины.

Да, не винокурный завод, а именно пьяная фабрика.

2.

Цель моей поездки в Успенский завод (Тобольской губернии) была довольно не определенная – посмотреть первую писче-бумажную фабрику, погостить у знакомого человека, заняться немножко археологией и т. д. Мой знакомый, инженер Аполлон Иваныч, строил фабрику и обещал показать все достопримечательности бывшей каторги. Кстати, он занимал квартиру в помещении бывшей каторжной конторы, имевшей самый мирный вид запущенной помещичьей усадьбы. Через полчаса мы пили чай в комнате, где производились когда-то дознания, следовательские допросы и всяческий иной сыск.

Прислуживавшая за столом горничная была из коренных варначек. Чистое русское лицо, без сибирской скуластости и узкоглазия. Великорусский тип сказывался во всем.

– У нас тут все каторжные, – коротко объяснил Аполлон Иваныч, отвечая на мой немой вопрос.

– И что же, есть какая-нибудь разница с другими селениями?

– Никакой. Такие же люди, как и все другие. Даже повышенной преступности никакой не замечается. Ни краж, ни разбоев, ни убийств. Вообще все тихо и мирно. А между тем сейчас еще есть человек двадцать старух из каторжанок. Совсем хорошие женщины и все до одной семейные. Клейменных стариков, кажется, человек шесть наберется. Кстати, последний каторжанин с рваными ноздрями умер лет пятнадцать тому назад. – Я сам его не видел, а передаю, что слышал от других.

По этому отзыву можно сделать совершенно неожиданный вывод, именно, что старая каторга имела самое благотворное влияние, в корне истребляя зло и совершенствуя преступную волю. Но, как увидим ниже, тут были совсем другие причины и основания.

После чая мы отправились осматривать новую фабрику, что заняло около двух часов. Первая сибирская фабрика была выстроена по последнему слову науки, которое именно здесь, на месте бывшей каторжной «пьяной фабрики» имело особенное значение. Там, где каторжными руками гналось зелено вино для царева кабака, теперь труд вольного человека нашел приложение к совершенно другому делу, – бумага уже сама по себе являлась величайшим культурным признаком. Кто знает, может быть, на этой фабрике выделяется та бумага, на которой новые последние слова науки, знания гуманизма рассеют историческую тьму, висящую над Сибирью тяжелою тучей. Впрочем, – это, кажется, уже область исторического сентиментализма и еще далеких иллюзий. Самой фабрики я не буду описывать, – для меня она являлась только культурным фактором, характерным именно в этом разоренном царстве кнута, шпицрутенов и плетей.

– А как здесь жили прежде! – рассказывал Аполлон Иваныч, когда мы выходили из новой фабрики. Каторжный винокурный завод сдавался в аренду, и откупщики наживали громадные деньги. Настоящее разливанное море было. Шампанское лилось рекой, и в Успенский завод часто гости ехали со всех сторон целыми обозами. Еще и сейчас старожилы помнят это неистовое веселье. Тут каторга, и тут же веселье.

Да, какое-то нелепое время было. Сейчас даже и приблизительно трудно себе представить, что здесь творилось. Кстати, вон на плотине стоит скамейка – на ней отдыхал знаменитый откупщик Поклевский. Выйдет на бережок и дышит свежим воздухом. Про него рассказывают чудеса. Однажды он приходит в каторжную контору, а там идет следствие: убили арестанта, и убийцу никак не могли открыть. Каторжные его не выдавали, и следователь ничего не мог поделывать. Тогда Поклевский и говорит: «Позвольте, я его сейчас узнаю». Подходит к выстроенным в шеренгу каторжникам, пристально вглядываясь в лица, а потом как ударит одного по лицу: «Ты, такой-сякой, убил?». Тот свалился с ног и во всем признался. Удивительно все просто было.

Деревянное здание упраздненной каторги еще сохранилось. Оно стояло с заколоченными окнами, как ослепший призрак. Вечером мы долго гуляли по заводским улицам. Стройка здесь отличалась от обычной сибирской архитектуры тем, что около домиков там и сям зеленели садики на великорусский манер. Очевидно, здесь жили невольные выходцы откуда-нибудь из коренной России. Сибиряк не выносит подобных нежностей, что и понятно – и без садика достаточно кругом леса. Попадавшиеся варнаки и варначки заметно выделялись красотой какого-то смешанного типа, особенно женщины. В Сибири вообще так мало красивых лиц, благодаря слишком большой примеси всевозможной инородческой крови.

– Кого-кого только тут нет, – объяснил Аполлон Иваныч. – И великорусы, и хохлы, и остзейские немцы, и черкесы – настоящая каторжная мозаика. Потом все это слилось, выработался свой смешанный тип, то есть совсем новый этнографический человек. Кстати, завтра, воскресенье, так сами увидите нашу публику.

– Скажите, отбывшие каторгу и переведенные в разряд ссыльнопоселенцев делались семейными людьми?

– Обязательно. Невест доставляли со всех концов России на каторгу в достаточном количестве – выбирай любую. Из всех этих каторжанок вышли прекрасные жены, матери и хозяйки. Я не знаю ни одного случая, чтобы баба отбилась от дому и разрушила семью. Оно и понятно: каждая прошла такую ужасную школу, что свой угол являлся раем. Замечательно, что все эти каторжники были совсем молодые и почти поголовно дворовые. Я как-то просматривал списки и нашел всего двух в бальзаковском возрасте*. Кстати, у нашего батюшки есть списки, и вы сами посмотрите.

* Женщина в бальзаковском возрасте – 30—40 лет.

В течение целого дня все наши разговоры обязательно сводились на каторгу. Да иначе, конечно, и быть не могло. Самый воздух здесь был насыщен этими каторжными мыслями.

3.

В Успенском заводе мне пришлось прожить дня три, и самое интересное, что я видел, это подробный список каторжан за несколько лет. В моих руках был исторический документ громадной важности, в своем роде синодик крепостного права и его резюме. Раньше я говорил о заводских крепостных разбойниках, являвшихся еденицами, а тут получалась уже полная картина. Список был красноречиво – краток: имя, звание, состав преступления и форма наказания. Рассматривая этот список и делая из него выписки, я осязательно убедился прежде всего в том, что главный контингент преступников создавался именно крепостным правом. Некоторые преступления носили почти сказочный характер: один крепостной крестьянин был приговорен к четырем годам каторги за кражу сахара у своей помещицы, другой к такому же наказанию за кражу меда и тоже у помещицы. Что это такое – ирония, насмешка, глумление?. Логика отказывалась здесь работать, да и какая могла быть логика в этом царстве произвола и всяческого насилия? Еще характернее была группа женщин. Все это были молодые девушки и поголовно из дворовых, в возрасте от семнадцати до двадцати пяти лет. Главное преступление – поджог. Очевидно, мы тут имеем дело с тем протестующим возрастом, который никак не мог согласиться с существующим порядком. Женщина служила здесь тонким реактивом разъедавшего яда. В числе этих преступниц только одна приговорена была за детоубийство, и та была солдатка, а затем другая за сорок лет, польского звания, «по особым причинам». Читая этот мартиролог*, приходилось переживать гнетущее чувство. Ведь под этими именами, датами и лаконическими отметками наказаний похоронено целое море никому не высказанных страданий, зол, бед и стихийного бессмысленного зла. А главное, читателю было ясно, что все эти преступления и наказания сделались невыносимыми после 19 февраля. Только читая этот мартиролог, понимаешь во всем объеме всю величину того зла, которое уже отошло в область преданий.

* – Мартиролог – перечень пережитых страданий и преследований.

В мужской группе каторжан после преступлений против помещичьей власти выступали нарушители воинского устава. Палочная салдатчина поставляла громадный запас каторжного мяса. И какие наказания. Строевой солдат шестидесяти лет, – заметьте: строевой, – приговорен был к четырем тысячам шпицрутенов. Вообще что-то совершенно невероятное, подавляющее, колоссальное. И что всего замечательнее, что все эти правонарушители, «отбив каторгу», то есть шпицрутены, плети, кнут и пьяную фабрику, сейчас же превращались в самых мирных обывателей, делались семейными людьми и не обнаруживали какого-нибудь особенного тяготения к преступлениям. Каторга не исправляла их, а только снимала с них крепостное ярмо, невыносимую салдатчину и прочее зло доброго старого времени. Пример в высшей степени поучительный.

Из Успенского завода мне пришлось возвращаться с тем же клейменым ямщиком.

– Что, дедушка, тяжело было на каторге?

– Несладко, барин. А только ежели сказать правду, так ведь мы здесь в Сибири свет увидели. Поселенец, и все тут. Теперь-то все стали вольные, так и не поймут этих самых делов. Дома-то у себя в Рассее похуже каторги случалось. Особенно бабам эта самая каторга была на руку: отбыла года и вся своя.

– Бабам легче было?

– Ну, у них своя причина. Конечно, на пьяной фабрике они не работали и по зеленой* улице их не гоняли, опять же не клеймили, ну, а только очень уж обижали смотрителя, особливо которая из лица получше. Навязался тут один старичонка смотритель, ласковый такой да богомольный, так он, кажется, ни одной не пропустил.. Как новую партию пригонят, так он только ручки себе потирает. Одним словом, озорник..

– А наказывали страшно?

– Случалось. Палач был Филька, ну, так его привозили к нам из Тобольска. Здоровуший черт был. Ну, как его привезут, сейчас у нас сборка денег ему, чтобы, значит, не лютовал. Ведь ежели бы он все по закону достигал, так и в живых никто не остался бы.

– А шпицрутены?

– Ну, это почище плетей в тыщу разов. И рассказывать-то барин, страшно. Одного тут у нас наказывали. Ермилом Кожиным звали. Он целую семью загубил. Ну, так его и повели по зеленой* улице. Нас всех для острастки в две роты выстроили. Ну, раздели его – могучий мужик, тело белое. Этому-то труднее. На первой тысяче свалился. Положили его на тележку и везут. Все-таки второй тысячи не дотерпел. Дохтур уж его пожалел: «Дайте, говорит, водицы испить». А уж это известно: как на наказании напился воды – тут тебе и конец. Ну, с двух тысяч Кожин-то и кончился. Все одно, от начальства был приказ забить его насмерть, и солдат расставили пошире, чтобы замах делали больше. Ох, и вспоминать-то это самое дело нехорошо.

* – «Зеленая» улица – сквозь строй розог и шпицрутенов.

Опять был солнечный день. Опять по сторонам дороги сплошным войском тянулся лес. Опять стояла тишина знойного дня, и невольно казалось, что эта та зловещая тишина, которая наступает в доме, где покойник: за нами оставался громадный покойник – каторга. Кстати, есть характерная русская поговорка: покойник у ворот не стоит, а свое возьмет. Д. Н. Мамин – Сибиряк, 1886 год, село Успенска, винокуренный завод.

Возрождение села Заводоуспенское

Очерк о годах минувших

Мужску дай волю, так ведь у нас друг дружку передавят, истинный господь

Б. Пастернак «Доктор Живаго»

В начале 1780-х годов на месте поселка Заводоуспенское шумели непроходимые вековые сосновые леса с редкими перелесками лиственных пород: осина, береза, ольха.

Вначале этих же 1780-х, царским режимом династии Романовых была введена обязательная повинность службы в армии.

И вот в один из дней ненастной осени 1780 года в селе Перевалово, расположенного в 17 верстах от города Тюмени, в семью некоего Григория Михайловича Кривошеина пришло большое горе, его старший сын которому исполнилось 25 лет должен был идти в рекруты-солдаты, т.е. отбывать воинскую повинность. Как оторваться почти на четверть века от семьи? Как возвратиться домой стариком?

Семья Кривошеиных была немалая: сам Григорий Михайлович, его жена – Марфа, сын – Михаил со своей женой и дочкой и младший сын – Василий 18 лет. Семейство Кривошеиных жило в достатке, имело лошадь, корову и прочее мелкое хозяйство. Для присмотра за ним нужны были рабочие руки. Не желая расставаться с семьей, рекрут из села скрылся, забрав с собой жену и дочку.

Переправившись через речку Пышма, и углубившись в леса, на слиянии речек Балды, Катырла, Никитки и Айбы встретились три семьи, поселившиеся здесь ранее его. На первых порах вырыли землянку, запаслись кое-каким провиантом на зиму. Так прожили год.

На следующий год пришел младший брат Василий, и братья дружно взялись за строительство домов из леса. Через 2—3 года и отец, продав свое хозяйство, переехал к сыновьям.

Дремучие леса и непроходимые болота служили им укрытием от царских властей.

Так было положено начало селению.

Но недолго жили люди сами по себе. Червишевское волостное правление отправило в леса изыскательную комиссию. К 1787 году здесь уже насчитывалось 7 изб и множество землянок.

К таежному месту стягивался разный беглый люд. Одни бежали от службы в армии, другие от каторги, оседали и случайные скитальцы.

Так год от года росли в «кривошеинской заимке» курные избы и землянки, людей становилось все больше. Жили вольготно, в свете о них не знали, а они иногда выезжали на ярмарки, а потом тихой, мирной тропой возвращались обратно в свою заимку.

Дремучие леса и непроходимые болота служили им укрытием от царских властей.

Так было положено начало селению.

Но недолго жили люди сами по себе. Червишевское волостное правление отправило в леса изыскательную комиссию.

После приезда этой изыскательной комиссии поселенцы были причислены к ближайшему Балдинскому обществу Червишевской области Тюменского округа Тобольской губернии.

Правление сразу же переписало поселенцев и обложило податями и налогами.. поселение было названо деревней Земляной.

Прошло три года. И в один из теплых весенних дней окрестности деревни огласились небывалым шумом, это пригнали партию арестантов, окруженную охраной и офицерами. Арестанты сразу приступили к постройке барачных корпусов. Так же приступили к сооружению плотины. Стали расчищать болото и уже весной пруд стал чистым водоемом.

Немного ранее в 1769—1770 годах Василий Походяшин, старший сын Максима Михайловича Походяшина выиграл торги на четыре года поставки вина по всей Тобольской губернии, для чего начинает строительство нового винокуренного завода. В своем письме в январе 1770 года тобольскому епископу Варлааму он писал:

«...Имею я намерение при вновь строящемся моем тюменского ведомства винокуренном заводе построить вновь деревянную собственным своим коштом церковь. Которой завод расстоянием от города Тюмени в 55 или в 60 верстах жителей же заводских ныне на первый случай уже состоит до ста душ, а впредь еще несравненно умножатся и населяться домами будут...».

Благословенная грамота на постройку церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы была дана Походяшину 19 мая 1772 года на имя архимандрита Тюменского монастыря Благословенная грамота на постройку церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы была дана Походяшину 19 мая 1772 года на имя архимандрита Тюменского монастыря Сафрония.

Но Походяшин просил разрешения пристроить к церкви придел во имя Иоанна Златоуста, и на это также дана грамота 31 мая. Придел основан 7 июля 1772 года и освящен 6 ноября 1773 года. Но главная церковь Успенская освящена, спустя довольно долгое время, самим преосвященным Варлаамом во время путешествия его по епархии 1 сентября 1779 года. Тогда заводом управлял тот же Походяшин (Дело архива консистории 1770 г., №146).

Горделиво и устрашающе, напоминая о божьей каре, поднялась над убогими строениями деревянная церковь в честь Успения, старинного праздника пресвятой богородицы. По имени церкви был назван строящийся винокуренный завод (Успенский) и новый поселок (Успенка). 1792 году винокуренный завод был продан казне и его стали сдавать частным предпринимателям.

В лучшие периоды завод выкуривал до 700 тонн вина в год и приносил казне немалые барыши, но со временем пришел в совершенный упадок.

Этому содействовала конкуренция всесильного в то время «винного короля» Козелл-Поклевского, чьими заводами были усеяны Средний Урал и Западная Сибирь. Этот польский дворянин имел сильную руку при царском дворе; его брат был поверенным от Польши в русском правительстве. Поклевские, добившись монополии на винокурение на Урале и Сибири, легко расправлялись с конкурентами. В Заводоуспенке Козелл— Поклевский (на фото) появился неожиданно, проездом из Талицы, где строился его винокуренный завод. Было это незадолго до ликвидации каторги. Казна, не заинтересованная в Успенском заводе, охотно согласилась сдать Козелл-Поклевскому в аренду на девять лет. Но предпринимателю показалось этого мало, он поставил условие:

«Плачу на год вперед, только завод прекращает работу немедленно». Условие принимается.

Целое десятилетие завод бездействовал. Оставленный без охраны, он был частью расхищен, а часть аппаратуры сгнила. Только плотина, несмотря на запущенный вид и неоднократные прорывы внешних вод, стояла все так же крепко. Недолго, однако, просуществовал винокуренный завод и при купце Попове, купившем его у Поклевского.

Начало Заводоуспенской бумажной фабрики.

«Отчего сие? Сидим на великих просторах и нищие... Нам то в великую досаду»

А. Толстой «Петр Первый»

Летом 1884 года в Заводоуспенское пожаловал тарский купец Алексей Щербаков. Его привела сюда жажда открыть большое дело. Чутье подсказывало, что давно заброшенный винокуренный завод, на продажу которого трижды за последние годы назначались торги, но не находилось охотников, может послужить прекрасной базой для развертывания нового производства – писчей бумаги. Благо, промышленная конкуренция в Западной Сибири еще не захватила эту отрасль. Огромные лесные массивы, могущие служить исходным сырьем для будущей фабрики, а также большая незанятость населения прибавили уверенности купцу.

Неторопливо обследовав завод, пруд и прилегающие к нему окрестности, побеседовав с местными властями и мужиками, Щербаков пришел к решению строить фабрику. Однако на это бы понадобились деньги, и немалые. Вернее нужны состоятельные люди. Долго искать не пришлось. Купцы братья Айтыкины явились первыми со своим предложением, следом за ними купец Смолин и другие.

Промышленное товарищество Алексей Щербаков и Компания купило винокуренный завод со всеми принадлежащими ему постройками: хлебными складами, мельницей, конторой, управленческими домами и заводским прудом. Для строительства писчебумажной фабрики выбрали площадку на берегу пруда. Объявили о найме рабочих в Заводо— Успенке и ближних деревнях. Эта весть безмерно обрадовала крестьян, особенно малоземельных, и кустарей. Люди видели в фабрике свое спасение.

Фабрику построили за три года, а в 1888 году она дала первую продукцию – оберточную бумагу. По летописи, что велась Успенской церковью, известно, что бумага вышла недоброкачественная. Это и попятно: на производстве не хватало хороших специалистов. К тому же вырабатывали бумагу из дерева (20 процентов), остальная часть сырья – тряпки, которые доставляли из окрестных деревень, выменивая на детские игрушки.

Фабрика работала в две смены, по двенадцать часов каждая.

Рабочий день на фабрике начинался в 5 часов утра и кончался в 7—8 часов вечера, а если с вечеровками, то и до 10 часов.

Хозяева фабрики охотно нанимали женщин и даже 12-летних детей, труд которых ценился дешево. Если мужчинам платили за одну смену 30—50 копеек, женщинам по 20—40, а подросткам по 5—10 копеек.

Стремясь выжать из предприятия больше прибыли и скорее окупить расходы, вложенные в строительство, Щербаков все больше усиливал эксплуатацию рабочих, ущемлял их в зарплате и совсем не беспокоился об охране труда. Машины не имели ограждений, поэтому участились случаи увечий, а некоторые со смертельным исходом. Чтобы не вызывать гнев людей, Щербаков установил инвалидам труда пособие – 7 рублей в месяц. Но это не спасло его.

Товарищество Щербаков и Компания преуспевало. Годовое производство бумаги достигло «потолка» – 250 тысяч рублей. Продукцию сбывали в Екатеринбург, на Ирбитской ярмарке, в Тюмени, Тобольске, Томске, Иркутске. Фабрика приносила прибыль.

Но взлет был и началом заката всего предприятия. Компания все чаще сталкивалась с недостатком сырья для фабрики. Оголились от леса окрестности села и бывшие казенные дачи. Добыть каждый кубометр древесины, каждый пуд тряпок становилось сложнее и дороже. Фабрика стала работать с перебоями, бумага шла некачественная, что затрудняло ее сбыт. Убытки, долги и просроченные платежи росли теперь, как снежный ком. С одной стороны на Щербакова наседали кредиторы, с другой – члены товарищества требовали проценты от прибыли. К внутренним раздорам добавилась внешняя конкуренция. На Урале и в Западной Сибири вырастали бумажные фабрики промышленника И. Е. Ятеса.

13 ноября 1899 года Успенская бумажная фабрика была остановлена. Товарищество постановило произвести ликвидацию дела или передать фабрику в другие руки. Созданный так называемый ликвидком по изысканию средств для оплаты кредиторов объявил о банкротстве Щербакова и назначил торги на продажу фабрики. Но торги не состоялись: на них никто не явился. Все, что можно было, компания продала и рассчиталась с кредиторами по 10 копеек за рубль. По этому поводу уездная тюменская газета разразилась хохотом, поместив карикатуру: прогоревший в деле купец Щербаков вылетел в трубу. Впоследствии фабрика перешла в руки семейства английских подданных по фамилии Ятес (на фото). (В истории поселка остались на память вековые тополя, посаженные во времена правления Ятеса.

К 1917 г. фабрика была передовым предприятием, выпускавшим широкий ассортимент бумажной продукции, распространявшейся по всей стране. В те годы на фабрике работало до 400 человек. Фабрика состояла из 8 цехов: бумажного, слесарного, кузнечного, машинного, столярного, тряпочного, рольного отделения, окончательного цеха. Всей деловой жизнью фабрики коллегиально руководило заводоуправление.

Фабрика производила несколько сортов бумаги: писчую, книжную, концептную, бюварную, афишную, оберточную, крафт-обертку и тетрадную, курительную и др.

В 1918 году началась национализация промышленности. Для передачи имущества в собственность на предприятиях бумажной промышленности были созданы местные ликвидационные комиссии. Постановлением Высшего Совета Народного Хозяйства от 26.11.1918 г. фабрика была национализирована и передана в ведение вновь образованного Главного Управления Государственных Предприятий бумажной промышленности (Главбум). С этого времени фабрика Ятес И. Е. стала называться Сибирской писчебумажной №42.

11 февраля 1920 года было образовано Уральское районное управление государственных предприятий бумажной промышленности («Уралбум» ВСНХ РСФСР). Сибирская писчебумажная фабрика перешла в его ведение.

29 апреля 1922 года Управление было реорганизовано в Николае-Павдинское объединение «Бумлестрест», с этого времени фабрика вошла в его систему.

На основании постановления Уралпромбюро ВСНХ на Урале от 04.07.1922 года для объединенного управления лесной, деревообрабатывающей и бумажной промышленностью Камы и Урала на началах хозрасчета на базе Николае-Павдинского объединения был образован Камско-Уральский трест «КамУралбумлес». В подчинении треста фабрика находилась с 1922 до 1928 года включительно.

советское время фабрика, единственная на территории СССР, давала два сорта конденсаторной бумаги: «кон-1» и «кон-2», что позволило отказаться от импорта крайне дорогостоящей аналогичной продукции из Финляндии.

Раскучную бумагу фабрика выпускала до 1954 года. В начале 1952 года правительство приняло решение о реконструкцию фабрики. По нему предусматривалась установка

четырёх бумагоделательных машин для выработки бумаги, строительство тепловой электростанции, работающей на местном топливе – торфе, частичная реконструкция корпусов и установка вспомогательного оборудования. В 1954 году была введена в эксплуатацию первая бумагоделательная машина. Вскоре, в 1960 году, была пущена ТЭС, мощностью 2,5 тысячи киловатт, а также вторая бумагоделательная машина, а в ноябре 1961 года – третья, и в апреле 1962 года вступила в строй действующих четвертая машина. Так, на месте старой бумажной фабрики выросло за годы Советской власти высокомеханизированное предприятие.

В связи с развалом СССР в 90-е годы прошлого века, в 1994 году производство на фабрике было остановлено. Началось дикое разграбление оставшихся фондов производства. Проходимцы всех рангов добрались и до успешной глухомани.

20 августа 2015 года

Церковь Успения Пресвятой Богородицы

писчебумажная фабрика на
берегу пруда XIX век

Из прошлого Зауралья

Рассказ

Успенская писчебумажная фабрика 1886 год

Д. Н. Мамин-Сибиряк *Величайшее удовольствие, какое только может чувствовать честный человек, это – доставлять удовольствие своим друзьям.*

В очередной поездке по Уралу, в августе месяце 1888 года, Дмитрий Наркисович, завершал знакомство с литейным производством и людьми железодельного Нейво – Алапаевского завода. Благодарил заводчика Шамова и горного инженера Алексея Ивановича Умова за оказанное ему содействие в ознакомлении с жизнью завода, внимание, гостеприимство, за созданные терпимые условия для рабочих, мастеров и подмастерьев завода, что является редкостью в других производствах промышленной Уральской губернии. В ответном слове заводчик Шрамов пригласил писателя бывать в здешних краях, как случится оказия в эту сторону и, выделил Мамину-Сибиряку добротный экипаж с ямщиком в обратный путь. После знакомства с извозчиком, они вместе осмотрели предложенный экипаж, обговорили условия найма ямщика на месяц объезда по Зауралью и, до полудня, 4 августа 1888 года, тронулись в путь. Дорога предстояла дальняя и нелегкая, а главное ехать в этот раз на конечный пункт Дмитрий Наркисович собрался в новинку – первый раз. В дальнюю дорогу, протяжённостью в 470 вёрст от Алапаевска до местечка Заводоуспенское, что находится на крайнем юго-востоке Уральской губернии, пригласил Мамина – Сибиряка, давний знакомый по Екатеринбургу, тарский купец и промышленник Алексей Иванович Щербаков. Недавно он открыл здесь новое дело для здешних мест – писчебумажную фабрику, первую на всю Сибирь. Знаток промышленности, исследователь природных богатств и местного уклада жизни Урала и Зауралья писатель, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, с глубоким почтением и радостью воспринял приглашение посетить и осмотреть новое производство губернии. Летнее время он всегда использовал для отдыха в путешествиях по неизведанным местам земли уральской. Всё готово в дорогу. Быстрое прощание со служилыми людьми железодельного завода Алапаевска, что стоит на реке Нейве, с дорожным напутствием благополучия, экипаж выехал в направлении поселения Курьи. Дорога через редколесье на открытом пространстве, к исходу дня привела в небольшое поселение по обоим берегам реки Пышма, с тихим течением, крутым каменистым берегом по одну сторону, поросшим вековым, дремучим лесом и пологим спуском к реке по другую. В 1870 году британский подданный И.Е.Тес, основал здесь курорт под названием «Украинские минеральные воды» и первоначально он находился длительное время в его аренде. Позднее, летом следующего 1889 года, Мамин-Сибиряк посетит это благодатное местечко для отдыха и лечения, по приглашению самого промышленника и основателя курорта Ивана Егоровича Теса. Ослабленное здоровье писателя нуждалось в таком лечении минерального источника. А сейчас он остановился здесь на ночлег для отдыха со своим исправным ямщиком и смены дорожных лошадей. До наступления сумерек Дмитрий Наркисович прогулялся по лесопарку, добрёл до скалы над рекой Три Сестры, посидел на скамейке у ротонды «Храм Воздуха», с видом на бескрайние лесные дали, открытые с высоты горного выступа реки. Чувства полноты и удовлетворённости жизнью наполняли его. Он в расцвете лет и творческого успеха, написаны главные произведения, принесшие известность далеко от Урала. Впереди лучшие годы жизни. Шёл 1888 год, полный творческих замыслов, надежд и свершений. Ранним утром следующего дня проглядывался туман над Пышмой. В августе месяце на среднем Урале деньки становятся уже прохладными, зато нет комаров и мошек, для путников они настоящее бедствие. Ямщик не спеша, со знанием дела стал готовить экипаж в дорогу. На крыльце в одной рубашке и ночных брюках показался Дмитрий Наркисович:

– Евдоким, готовишься в дороженьку?! Не упусти мелочей, да кваском запасись, – обратился он с приветствием и пожеланием к своему путевому другу.

– Да, не извольте беспокоиться, барин, уже запаслись, колёса брички смазаны, кони накормлены, – радостно, с хорошим настроением доложил Евдоким.

– Вот и хорошо, хозяйка кухни завтрак на стол собрала, зайди, отведай, а я до речки дойду, освежусь, да и, двинемся в путь.

– Премного благодарен, барин, исполню, – проговорил ямщик и заспешил в трапезную.

В это время на реках и озёрах в здешних местах вода прохладная, купаются люди закалённые и смельчаки. Купание Дмитрия Наркисовича, как смельчака, быстро закончилось. Лёгким бегом возвратился к постоялому двору. Собранный экипаж поджидал у крыльца ночлежного дома. На крыльце показался помолодевший после утреннего купания барин, с приветливой улыбкой, молодецки уместился в бричке, экипаж тронулся. Новый участок пути определился до населённого пункта Богданович, в 104 версты. Через него проходит железнодорожная ветка от Екатеринбургa до Тюмени, открытая совсем недавно, в 1885 году. Стройкой руководил и сдал в эксплуатацию чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел России полковник Евгений Васильевич Богданович. За успешное строительство участка железной дороги в кратчайшие сроки, в его честь была переименована железнодорожная станция Оверино Уральской железной дороги. Промежуточной, кратковременной остановкой на пути в Богданович послужила Сухоложская слобода. Первым промышленным предприятием на территории Сухоложья стала бумажная фабрика, основанная в 1879 году. Фабрика производила бумагу из растительного волокна – древесины, старые тряпки и других ингредиентов. За световой день доехали к постоялому двору Богданович. Расположились на ночлег, без ограничения сна. Двое суток пути изрядно утомили. Надо хорошо отдохнуть перед выездом на Сибирский тракт. Что-то ждёт их на дороге мучеников. По ней шли ссыльные декабристы в глубину Сибирской ямы, похоронившей многих истинных сынов Отечества, увековеченных народной памятью. Утром хмурилось, плывущие тёмные облака предвещали приближение дождевой погоды. Но не тот ездок, Дмитрий Наркисович, чтобы пасовать перед ненастьем. Годы скитаний по заводам, фабрикам, мануфактурам с целью изучения, описания условий работы и жизни простого работного люда, закалили его, придали желание видеть и знать большее. Надо успеть в этой жизни о многом написать, рассказать об укладе жизни местного населения, невероятных историях и трагедиях в разных уголках необъятной Уральской губернии. Решили незамедлительно выезжать до поселения Пышма, расстояние до которого от Богданович составляет 84 версты. Евдоким предчувствовал желание и решение барина ехать, подсуетился пораньше и был готов к пути. Сразу за околицей, при въезде на Сибирский тракт, ямщик посетовал на разбитую колею дороги:

– Дорога не в радость, барин, будем волочиться, а не ехать. – Дмитрий Наркисович отозвался: – А другого я и не ожидал, сколько торговых и людских обозов движется от престольной на крайний Восток и Сибирь, не счесть, будем двигаться дальше как дано, не спеша Евдоким.

Погода между тем наладилась, дождь отступил, изредка проглядывали из-за тёмных облаков лучи солнца, окрестные леса вдоль дороги блистали своим убранством и величием. Втянулись в монотонность и тряску экипажа по рельефу вековой дороги. Пассажир иногда подрёмывал, ямщик молодецки правил на облучке. Хорошо отдохнувший, Евдоким выглядел бодрым и уверенным в своих действиях ямщика. Однако медлительность движения и напряжение лошадей подсказывали остановиться на ближайшей станции тракта. Приближались к поселению Камышлов, 46 вёрст позади. Чутьём бывалого ямщика, Евдоким прибыл к станции до наступления темноты. Барин отказался от вечерней трапезы и залёг в опочивальне. Ямщик исправно поужинал, нашёл себе место в ямщицкой комнате для отдыха.

В Камышлове находилась крупная почтовая станция на участке пути от Кунгура до Тюмени, а тюрьма Камышлова долгое время выполняла функции пересылочного тюрем-

ного учреждения на Среднем Урале. В 1826 – 1827 годах в Камышловской тюрьме побывали декабристы. К различным срокам каторги и ссылки были приговорены 96 мятежников. По Сибирскому тракту через Урал они прошли несколькими партиями с августа 1826 по апрель 1827 года. Позднее узниками Камышловской тюрьмы становились члены других революционных организаций. В январе 1850 года здесь находился в заключении 29-летний народоволец Ф. М. Достоевский. А в июне 1864 года в Камышловской тюрьме находился Н. Г. Чернышевский, автор революционных воззваний и романа «Что делать?». Ф. М. Достоевского доставили из Камышлова в Омский острог, а Н. Г. Чернышевский был переведен на каторгу в Нерчинский округ. После посещения Камышлова в этом, 1888 году, Мамин – Сибиряк образно назовет Сибирский тракт «дорогой скорби». В утренний час послышался громкий разговор хозяина постоялого двора с вновь прибывшими транзитными путниками, они жаловались на сильную усталость и просили ускорить устройство на отдых. Свободных мест не оказалось. Дмитрий Наркисович засобирался в дорогу, предложил незнакомцам занять его комнату. Евдоким проворно запряг лошадей, доложил барину о готовности выезда. От Камышлова до Пышминской слободы отмерено 40 вёрст. Ямщик поднаторел в езде на большом тракте, выразил возможность добраться к вечеру на станцию назначения. По обеим сторонам разбитой и ухабистой дороги векового Сибирского тракта начали попадаться жалкие строения изб и надворных построек, спрятавшиеся в лесном бору. Они напоминают о приближении Сибири, о сибирском привольном житье. Какое оно на самом деле, Мамину – Сибиряку ещё предстояло узнать по наблюдениям всей затеянной поездки в глубинку Западной Сибири, село Заводоуспенское. Видимая обстановка тракта оживлялась попадавшимися обозами с людьми и кладью, которые ползли своим черепашым шагом, как что-то убогое, допотопное и несуразное. Впереди, по ходу тракта, с левой стороны, показался купол церкви, утопающий в зелени листьев высоких деревьев. Ещё немного и повозка поравнялась с первыми избами Пышмы. По правую сторону центральной дороги слободы, остановились на постоялом дворе, хотя пустили их без особенного удовольствия. Больно скромно выглядел экипаж при раздетом в пух и прах хозяине. Любил Дмитрий Наркисович быть красиво одетым, зато в студенческие годы натерпелся лишений и голодной жизни, чем и объясняется его подорванное здоровье. Не дай бог, кому-нибудь повторить подобное испытание, что выпало на его судьбу. Не зря говорят, писателем становятся люди, пережившие хоть раз потрясения в своей жизни, любого возраста. Вся история русской литературы ненавязчиво рассказывает о подобных людских судьбах. Ночлежные дома по дорогам России во все времена, не блещут особым приютом. Ночь отдыха и скорее в дорогу, она развеет все неприятное, наносное наших скитаний по просторам Отечества. Утром Евдоким расспросил ямщиков встречных обозов о следующем перегоне в сторону Тугулыма. Путь не близкий, предстоит преодолеть 95 вёрст. Промежуточная станция Троицкая слобода, до которой 42 версты. Позади две трети пути и это осилим. Дорога от Пышмы простирается на юго-восток через леса, смешанные, чисто сосновые или еловые, а потом выходит на широкую равнину, – это последние лесные колки, дальше стелется безлесная зауральская ширь и гладь, насколько видит глаз человека. Картина добавляется видами многочисленных озёр больших и малых, извилистыми реками, впадающими в притоки реки Пышмы. В географическом смысле слова Зауральем можно назвать весь восточный склон Уральских гор с его отрогами, равнинами и балками. С одной стороны проходит могучий горный массив с своими неистощимыми рудными богатствами, лесами и целой сетью чистых и быстрых горных речек, за ним открывается богатейшая черноземная полоса, усеянная сотнями красивейших и кишящих рыбой озёр, а дальше уже стелется волнистой линией настоящая степь с ее ковылем, солончаками и киргизскими стойбищами с упитанными баранами, выносливыми к морозам бесчисленными упитанными стадами лошадей. Вообще Урал считается золотым дном, а Зауралье – это само золото. До недавнего времени Зауралье оставалось в стороне от развития цивилизации по России. Но это последнее слово придет сюда вместе с железной доро-

гой, и тогда для Зауралья будут «другие птицы и другие песни». Нам хотелось посмотреть на эти благословенные места, накануне их неизбежного и тяжелого испытания, которое перевернет здесь всё вверх дном. Хмурая погода подталкивала Евдокима чаще окриковать лошадей на быстрый шаг. И не зря, начал накрапывать дождик. Облачившись в тяжёлые плотные дорожные накидки, путники изрядно промокнув, приближались к Троицкой слободе. К их приезду постоялый двор освободился от спешащих в дорогу тюменских купцов, наделавших здесь много шума своим размахом повеселиться на славу. В избе уже кипел ведерный самовар, оставшиеся здесь, ямщики отправились чаёвничать, как это умеют делать только одни ямщики. К ним присоединился и Евдоким. Дмитрий Наркисович отложил вечерю, сразу прилёг отдохнуть от утомительной тряски дорог матушки Сибири. Троицкая слобода малое село сибирского склада, тянется вдоль тракта, огибая озеро, с пологими лесными берегами. На его побережье расположился старинный винокуренный завод Поклевского-Козела, один из многих в Зауралье, поставляющих свой убойный товар по всей территории страны. Потому и запивались в России, что такие допотопные, убогие заводилки были натканы в каждой отдалённой волости или уезде отечества, что и способствовало доступностью товара, начиная с самих цехов производства. Ранним утром следующего дня Евдоким с особым настроением решимости преодолеть последний участок пути до конечной остановки Заводоуспенское, закладывая лошадей, особо тщательно осматривал втулки колёс брички, смазывал оси, проверял подпруги. Накануне вечером, встречные извозчики поделились с ним состоянием дороги, поведали новичку где, на каких крутых поворотах можно срезать путь, минуя Сибирский тракт. Между тем предстояло отмахать до намеченного пункта 106 вёрст. Остановочным двором для смены лошадей на пути следования может быть только поселение Тугулым:

– Смотри не заблудись, да не загони раньше времени лошадей, – волновался Мамин-Сибиряк, не очень соглашаясь с затей своего ямщика.

– С почты Тугулыма, дам телеграмму фабриканту Щербакову, чтобы с Заводоуспенки выслали к нам встречную бричку, упаси господи заблудимся или того хуже, сломаемся, – продолжал барин делиться мыслями с Евдокимом.

При этих словах извозчик повеселел и хитро заулыбался – всё, теперь точно доедем, подумал он про себя. Шла вторая декада августа. Серым, холодным днём экипаж покинул Троицкую слободу. Стали чаще встречаться тяжёлые повозки на тракте. Сказывается близость железной дороги, Екатеринбург-Тюмень, идущей по соседству с полотном обозной дороги. Выгруженные товары с вновь построенных железнодорожных грузовых станций, отвозятся подводами к заказчикам, другим складам на тракте. В Тугулым прибыли поздним вечером, заночевали, с приятной мыслью, что завтра завершается долгий путь от Алапаевских заводов. Кажется, с тех пор прошла вечность, так дорога и короткий отдых наспех, измотали писателя. Перед сном Дмитрий Наркисович уточнил у хозяина двора, если здесь почта, в какие часы доступна. Узнанное успокоило его, придало уверенности в завтрашнем дне. Предупредил Евдокима о выезде в Заводоуспенку с рассветом, до неё от Тугулыма остаётся 45 вёрст. Впереди встретятся малые поселения осевших переселенцев с большой земли – лесной кордон Луговской, слобода Луговая. Утро выдалось ясное, лучи зари украсили вершины придорожного леса:

– Если всё сложится хорошо, нас встретят в слободе, – поведал Мамин – Сибиряк ямщику, – телеграмма Щербакову отправлена, – трогай.

Сразу за воротами постоялого двора выехали на Сибирский тракт. За околицей Тугулыма, свернули с тракта в правую сторону, на дорогу кордона Луговской. Дмитрий Наркисович, удобно расположился в бричке на свежем пахучем сене, заботливо уложенным Евдокимом, мысленно погрузился в предстоящую встречу, с давним знакомым по столице Уральской губернии, успешным промышленником, детям которого он когда-то давал частные уроки по языку и литературе. Ныне Алексей Иванович Щербаков владелец крупной торговой бума-

годелательной компании «Щербаков и К». Удаляясь от сибирки (так между собой ямщики, называют Сибирский тракт) почувствовалась разница в состоянии дороги – здесь она не так разбита, колея менее глубокая, чем на тракте, тяжело нагруженные повозки редко встречались по этой ветке. Лошади под гору переходят на лёгкий бег рысцей. К полудню въехали на кордон Луговской. Короткий отдых на крыльце постоянного двора и дальше в путь, с надеждой, что их встретит в слободе Луговая посыльный с экипажем от Заводоуспенского фабриканта Алексея Ивановича, он всегда отличался вниманием к желанному гостю. С думой в лучшее, Мамин-Сибиряк, обрадовал Евдокима хорошим ужином с крепкой на новом месте. За разговором не заметили, как подкатили к дому ямщика «Луговая». Перегон оказался коротким, всего в 15 вёрст. У кормушки для почтовых лошадей, стоял крытый тарантас с плетёной кибиткой. В чайной постоянного двора шла трапеза своим чередом. Когда Дмитрий Наркисович показался на пороге общего зала чайной, к нему подошёл опрятно одетый ездовой:

– Скажите, Вы путь держите к Алексею Ивановичу? – да, да, я и зашёл сюда в поисках гонца от барина, – ответил Мамин – Сибиряк.

– Я пригнал для Вас лёгкий, крытый тарантас, доедем в лучшем виде.

– Хорошо, попьём чайку с кренделями и в дорогу, будь готов, молодец!

С этими словами он уместился за столиком чайной, его обслужили скоромным обедом, стаканом чаю с тёплой сдобой. Выйдя к экипажам, Дмитрий Наркисович распорядился перегрузить его поклажу в тарантас от Щербакова, Евдокиму приказал выехать первому на Заводоуспенку, а он с извозчиком от барина, поедут за ним на дистанцию видимости, чтобы не потеряться всем в пути. С нескрываемой радостью от встречи, последним перегоном к месту назначения, тронулись в добрый путь. Емельян, встретивший гостей, оказался словоохотлив и балагур. На протяжении всех 25-ти вёрст, что оставались до Заводоуспенки, он принялся рассказывать Мамину – Сибиряку о здешних местах и людях, населяющих окрестности. Начал рассказ, со своего доброго барина, владельца новой бумажной фабрики.

Уж точно не помню, но года четыре назад он прибыл в наши края. Долго со служилыми помощниками осматривал заброшенный Успенский винокуренный завод, который раньше кормил всю округу, работа тогда находилась каждому желающему иметь свою копейку.

«На площади, в двух шагах от фабрики, стоит каменная церковь, построенная каторжанами; в ней иконостас, пожертвованный Екатериной Второй». Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Ездил много окрест пруда, выкопанного каторжанами в давние времена, ещё и меня не было на этом свете, ходил барин один, по притокам пруда, речкам Катырла и Айба. Потом приехало много люда не нашего, долго судили, рядили, ну и два года назад, как прошло, стали в Успенке строить фабрику, по изготовлению бумаги разной. Да, что-то толком у них сразу не пошло, часто останавливались, ремонт или осмотр какой делали. Уж как год продаём хороший товар, гостей много приезжало, всех встречали, провожали, важные дела Алексей Иванович затеял с окрестными купцами, особенно в Тюмени. Вот так барин и живём:

– Хорошо живёте, Емельян, раз купцы к вам в Успенку зачастили, значит есть, что купить и посмотреть, – поддержал разговор Дмитрий Наркисович.

– Слава богу, не жалуемся, народ наш зажил добро, работа снова появилась, семьи накормлены, дети одеты, обуты. Рабочие фабрики дворы свои в добрый порядок привели, барин того требует и, на самой фабрике порядок лучше стал. Вон оно как пошло, – подвёл итог извозчик, знаток порядков.

Храм Успения Пресвятой Богородицы, в Заводоуспенке, построен в 1876 году.

Мамину – Сибиряку захотелось скорее увидеть новое производство Зауралья. Много был наслышан хорошего и ранее, об успехах своего приятеля по столице Уральской губернии. Емельян словно угадывал желание своего пассажира и быстро домчал его ко двору заводоуправления Успенской бумажной фабрики, на парадном крыльце которой уже поджидал фабрикант Щербаков.

За три дня пребывания здесь, Мамин – Сибиряк написал два путевых очерка – «Варнаки» и «Последние клейма». Благодаря этим очеркам, потомки каторжан, построившие Успенскую бумажную фабрику, приобрели известность, а поселение Заводоуспенское вошло в историю Зауралья.

Далекая и близкая Родина

Очерк

Своя Земля и в горести мила

Народная мудрость

В отрогах юго—востока Урала затерялось село Заводоуспенское, в XIX веке упомянутое известным писателем, летописцем седого Урала Дмитрием Наркисовичем Мамин – Сибиряк. Прочитанный в детстве его рассказ «Варнаки» оставил воспоминание о тяжелой судьбе каторжан, сосланных сюда со всей матушки России.

Выходец из Висимо-Шайтанского завода, Верхотурского уезда, Пермской губернии, где отец его служил священником, Мамин-Сибиряк со знанием дела описал горнозаводскую жизнь Урала во всех подробностях быта и нравов богачей – промышленников и рабочего люда.

Вот, что он пишет при посещении осенью 1888 года казенного винокуренного завода в селе Успенка, Тобольской губернии: – «Успенский завод был основан в 70-х годах прошлого столетия знаменитым уральским заводчиком Максимом Походяшиным. В 1792 году наследники Походяшина передали завод в казенное содержание, а казна устроила здесь каторгу: два острога – мужской и женский и казармы на 200 человек солдат. Этот винокуренный завод, обеспеченный даровым каторжным трудом, сдавался казной частным предпринимателям. В 1830-х годах его арендовали Медовиков и Юдин, в 1840-х – Орлов, Алексеев и Шнеур, в 1850-х – Паклевский и в 1860-х – Попов. В 1864 году каторга упразднена, и завод закрылся. Две тысячи заводского населения остались без куска хлеба. Часть населения нашла себе домашнее ремесло, а другая часть разбрелась.

В 1888 году Успенский завод опять ожил благодаря выстроившейся здесь громадной бумажной фабрике товарищества «Щербакова и КО». Наружный вид завода ничего особенного не представляет: большое селение точно заросло в лесу. Есть заводской пруд. На берегу пруда выросла новая фабрика, скрасившая своими новенькими корпусами весь завод. На площади, в двух шагах от фабрики, стоит каменная церковь, построенная каторжанами; в ней старинный иконостас, пожертвованный Екатериной II. Улицы широкие, выстроены по плану, дома на заводской лад – вообще внешний вид хоть куда».

События того времени разворачивались с купеческой взвешенностью и неторопливостью в больших делах. Капитализм в Сибири только набирал силу. Созданное 15 августа 1886 года «Сибирское фабрично-торговое товарищество Алексея Щербакова и КО» преследовало несколько целей. Одна из них состояла в приобретении, переоборудовании и активной эксплуатации бывшего Успенского винокуренного завода. Когда здесь была упразднена каторга, около 2,5 тыс. рабочих не находили себе применения. Они разбегались по соседним селам, превращались в грабителей на сибирских дорогах. Сибирский тракт проходил в 40 верстах от Успенки. Оседавшие на прежнем месте бывшие каторжане, пытались заняться ремеслом, но не получали от этого занятия достаточных для жизни средств из-за сложности со сбытом своих изделий.

31 января 1884 года были разрешены торги казенного Успенского винокуренного завода. Сами торги состоялись со 2 по 6 июля 1886 года в Тюменском Управлении 2-го акцизного округа Западной Сибири. Торги выиграл Тарский купец первой гильдии Алексей Иванович Щербаков.

Чутье предпринимателя подсказывало, что давно заброшенный винокуренный завод может послужить прекрасной базой для развертывания нового производства. Благо, промышленная конкуренция в Западной Сибири еще не захватила бумажное производство. Огромные лесные массивы, как исходное сырье для будущей фабрики, завод, пруд и прилегающие

к нему окрестности, побеседовав с местными властями и мужиками, чтобы узнать их настроение, А.И.Щербаков пришел к решению строить фабрику.

9 сентября 1886 года в селе Успенском, в 53 верстах от Тюмени на север, праздновали закладку единственной в Сибири на 80-е гг. писчебумажной фабрики, которая должна была обеспечить бумагой сибирских потребителей. Товарищество с основным капиталом в 300 000 рублей поставило задачу реконструировать завод в

течение двух лет, что и было сделано.

Главным приобретением новой фирмы стала английская бумагоделательная машина «Паркс» стоимостью 200 000 царских рублей, которая была куплена совершенно случайно у князя Гагарина в Ярославской губернии. Щербакову и его компаньонам удалось наладить в сибирской глуши производство всех сортов бумаги – начиная от оберточной и папиросной и заканчивая высококачественной писчей бумагой. Всего выпускалось фабрикой до 30-ти сортов разнообразной бумаги! Качество бумаги позволило предприятию иметь звание Поставщика Двора Его императорского Величества. Предприятие успешно конкурировало с другими российскими фирмами. Торговые агенты утверждали, что бумага Алексея Щербакова по качеству превосходит иностранные образцы. В 1895 году на рынке бумаги остались три фирмы: Платунова из Европейской части России, англичанина Ятеса с Урала и Успенская писчебумажная фабрика А.И.Щербакова.

К началу XX века благополучие фабрики Щербакова пошатнулось – была законодательно ограничена сырьевая база, подорожали транспортные услуги, местная администрация искусственно тормозила развитие успешного предпринимателя. К этому времени сибирский рынок захватил И.Е.Ятес – английский подданный, построивший в Пермской губернии два аналогичных завода. В 1902 году он за бесценок купил Успенскую фабрику Щербакова, к тому времени уже разоренную кредиторами.

До 1917 года Успенская бумажная фабрика находилась во владении англичанина И.Е.Ятес. Управлял ею сын фабриканта – Владимир, прославивший в народе как грубиян, пьяница и бабник.

В 1918 году фабрика была национализирована и с 26 ноября 1918 года стала называться Сибирской писчебумажной фабрикой №42.

В советское время эта фабрика, единственная на территории СССР, выпускала два сорта конденсаторной бумаги: кон-1 и кон-2, что позволило отказаться от импорта крайне дорогостоящей аналогичной продукции из Финляндии. В 1994 году производство было остановлено. Начался развал Советского Союза. Стихийно пришло время дикого грабежа всего и вся на всех уровнях жизни общества. Наступила смута конца XX века.

В мае месяце 1994 года, по пути в город Ирбит, Успенку посетил краевед, историк из города Тарск, Омской области Александр Александрович Жиров. Он пишет: «Тогда в 1994 году, производство фабрики было только приостановлено, и 6-ти тысячное население Заводоуспенского еще надеялось на возрождение предприятия. Тогда же мне удалось не только застать живыми корпуса с технологическим оборудованием, но и даже музей фабрики. В очередную поездку в 2006 году от всего этого остались одни воспоминания. Лишь старая заводская труба осталась почти нетронутой, а население просило местные власти посодействовать тому, чтобы эта труба как символ былого фабричного могущества сохранилась бы как музейный экспонат».

История повторяется и, ничему нас не учит – как в 1917 году сметали все подряд не думая о последствиях, так и 100 лет спустя, разграбили до основания корпуса и оборудование приостановленного производства фабрики. К чему пришли? К обнищанию и полному запустению жизни местного населения. За воротами производства оказались сотни людей без работы, без выходного пособия, без средств существования и, не доработанных по возрасту пенсий. Власти всех уровней в то время думали только о сохранении своих привилегий и личном приумно-

жении обогащения на всем, в том числе и людских судьбах. Проблемные предприятия было проще закрыть или пустить с молотка, о людях, работающих на производстве, никто не думал. Дикий капитализм худшего образца захлестнул и без того разваленную экономику России.

По истечении 20 лет прихода капитализации экономики в Россию многие предприятия не работают или уже прекратили свое существование. Такая судьба оказалась уготована и Успенской бумажной фабрике. Удивляет поспешность ликвидации всего производства. Ведь при фабрике была лесопилка, добротные столярные цеха, они вполне могли развиваться и обеспечивать работой хоть часть уволенных людей. Что заставило Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности пойти на полное закрытие фабрики, банкротство и ликвидацию производства? Какие истинные мотивы им двигали?

9 августа 1987 года вышло постановление Совета Министров СССР за №911 «О переводе предприятий и организаций Министерства лесной, целлюлозно— бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР на полный хозяйственный расчет и самофинансирование». В пункте №8 этого постановления в частности говорится: -«...Уделять особое внимание разработке и проведению в отрасли конкретных организационных и технических мероприятий, направленных на повышение эффективности работы планово— убыточных предприятий, с тем чтобы в 1990 году в основном ликвидировать убыточность в отрасли». В отношении нашей фабрики этого не было сделано. Проволокитились, прособирались и упустили драгоценное время для смены профиля производства фабрики, чтобы она не была убыточной. Фабрика вполне могла перейти на выпуск кабельной бумаги, использующейся в качестве изоляционного материала при производстве высоковольтной кабельной продукции. Электротехническая продукция пользовалась большим спросом на внутреннем рынке и экспортировалась за рубеж в больших объемах, кабельная бумага была востребована, сбыт фабрики был возможен и имел перспективу. Но для этого ничего не делалось в те бесславные годы. Для смены профиля фабрики не требовалось искать другое сырье, изменению подлежала только технология производства бумаги. Семь лет бездействия руководства отрасли привели к закономерному банкротству фабрики в 1994 году. Начался тяжелейший период упадка жизни местного населения и рабочего поселка Заводоуспенское, который продолжается и до настоящего времени.

Смена государственного устройства любой страны сразу или постепенно отражается на жизни народа, судьбе каждого из нас и, плохо когда, неопределенность довлеет на всем укладе существования. Живешь и не знаешь, что ждет тебя впереди, к чему готовиться, а может быть уже ничего не ждать и плыть по течению, куда— то да приберешься.

Пришло время «заслуженного отдыха», замучила тоска по родным далеким краям, захотелось посмотреть, а что там сейчас, какие перемены произошли за 45 лет жизни рабочего поселка, на окраине восточного Урала, граничащего с Западной Сибирью, глухомани бескрайней России. Засобирался в дальнюю дорогу, не шуточное дело, ехать на «край света».

С вторжением в нашу размеренную жизнь интернета мы приобрели неограниченные возможности для открытия мира и, главное, общение с людьми населяющих этот мир. Затаив дыхание ищу свое затерянное село на виртуальных просторах электронной паутины. Нахожу фотографию фабрики 2005 года, с видом на развалины главного корпуса тепловой электростанции (ТЭЦ). Кровли нет, торчит одна стена верхнего этажа, впечатление такое, что вот вот она рухнет и обвалит три нижних этажа, на половину уже разрушенных. На другой фотографии видны сохранившиеся трубы, одна из них шестигранная, со времени основания Успенской писчебумажной фабрики 1886 года. От увиденной картины охватила невероятная боль за утраченное производство фабрики, когда-то кормившей наш большой рабочий поселок, где работал отец и три моих брата. Успел поработать и я, будучи подростком, на кирпичном заводе, летом 1968 года, когда надо было ехать учиться в Свердловский радиотехнический техникум, зарабатывал на жизнь в большом городе. Работа была не из легких – принимал глиняный кирпич-сырец от формовочного пресса, грузил на вагонетку, отвозил к печи обжига, загружал

в печь и так производственный цикл повторялся в течение смены. Во время обеденного перерыва часто вспоминал рассказ «Варнаки» Д. Н. Мамина-Сибиряка, работу каторжан в этих местах, на Успенском винокуренном заводе в 60-е годы XIX века. Прошел век с тех пор, а труд на кирпичном заводе остался таким же каторжным. Сильно хотел учиться, потому и выдержал адский труд.

После увиденных картин далекой Сибири, стало ясно – прежнего родного села нет и быть не может. Стал наводить справки о жизни земляков, вступил в переписку с некоторыми из них и, пришел к выводу – после банкротства фабрики в 1994 году областное правительство селом не занималось, никакого строительства градообразующего предприятия вместо фабрики не планировалось. Был взят курс на бесперспективное поселение, а попросту говоря на вынужденное саморасселение – кто, где сам сможет устроиться и переехать жить на новое место. Так оно и случилось. А ведь в то время в Успенке проживало около 6-ти тысяч человек, трудоспособных две тысячи человек. Власти всех уровней проявили полное безразличие к судьбам местного населения. Это до сих пор негативно сказывается на жизни села и оно катастрофически вымирает.

Прослышал о нашумевшей программе «Уральская деревня» на период 2011 – 2015 года. Москва активно её поддержала и дала зеленый свет на претворение в жизнь. Решил уточнить подробности, а главное, что в ней пишется конкретно о развитии Заводоуспенки на этот период. Поинтересовался в документах Тугулымского городского округа. Нахожу долгосрочную целевую программу ТГО «Социальное развитие села в Тугулымском городском округе на 2013—2015 годы» от 15.10.2012г. №275. В ней говорится о направлениях развития округа, и ничего конкретного по населенным пунктам не пишется. Возьмем газификацию, переселение из ветхого жилья, развитие и модернизация объектов коммунальной инфраструктуры, строительство дорог, по ним указаны запланированные финансовые вложения и все. По обеспечению занятости населения не сообщается вообще. В текущем 2014 году, в феврале месяце от 25 числа, наш округ на своем сайте приглашал население принять участие в обсуждении проекта комплексной программы «Новое качество жизни уральцев». Собирали ли вас, земляки, Управа Заводоуспенки для обсуждения, дошло ли до вас это приглашение и, что вы предложили по существу для улучшения своей жизни? Какое качество жизни может быть, если нет элементарной работы для местного населения? И для создания рабочих мест ничего не делается. Мной написаны десятки писем в Правительство Свердловской области, в администрацию Президента РФ, и она не рассмотрев обращение по существу, адресует письма в местные органы власти, теперь уже под своим номером большими грозными цифрами, как знак особой важности для исполнения, дескать вы смотрите там на месте, выполняйте, работайте. Смех, да и только. По другому, это никак не назовешь. Круг замкнулся. Нам остается уповать толь на Бога нашего, Иисуса Христа, вера и молитва во спасение, дадут нам силы выжить.

Мне порой думается, а не наказание ли нам с вами, земляки, за варварское отношение антихристов к нашей красавице церкви Успения Пресвятой Богородицы? В 1960 году они взорвали колокольню церкви, показалось мало, в 1986 году взорвали главный купол. Соорудили жалкое подобие «дома культуры» в Святых стенах церкви, построенной в 1835 году на средства владельца винокуренного завода Юдина. Он думал о своих рабочих, жителях населяющих деревню Земляную, построил дом Божий для облегчения жизни своего народа, верой и правдой ему служившего. Нам достался великолепный памятник церковной архитектуры начала XIX века и мы не смогли его сберечь. А все потому, что начиная с 1917 года, привыкли только ломать и ничего не строить для духовного возрождения, придания красоты среде обитания. Варварски растащили по бревну добротный, красивый дом последнего фабриканта И. Е. Ятеса. В нем вполне можно было открыть краеведческий музей.

Промышленники, фабриканты Урала умели с пониманием обустроить свои владения. Церковь придавала особую нарядность центру нашего поселка, приносила в него светлость, на фоне мрачных корпусов фабрики:

Народ пришел к вере, повсюду открываются храмы, соборы, церкви, а нам и открыто нечего. Угробили последнюю православную красоту в здешних местах, похоронили заживо, ведь на стенах церкви еще была видна роспись, пускай замазанная известью антихристами, но жива, с тех давних времен основания храма Божья.

В феврале месяце 2005 года, с Божьей помощью, вновь открыли для службы восточный придел церкви, освященный в честь Иоанна Златоуста. Радость для всех односельчан и прихожан большая. Мы, живущие далеко от Родины, молимся вместе с земляками за радость возрождения Прихода во имя Успения Пресвятой Богородицы. Молимся Заступнице и Ходатаице пред Богом: «Радуйся, Обрадованная, во Успении Твоем нас не оставляющая!».

Не далеко то время, когда и главный храм церкви откроет свои врата прихожанам, уповаю на милость Божью и верую, что так и случится. Предстоит тяжелейший процесс передачи всего здания церкви верующим, Талице-Тугулымскому благочинию. Государство должно вернуть религиозное здание в том виде, в каком забирало – купола и колокольня должны быть восстановлены. Сохранились фотографии 1900—1986гг. внешнего вида церкви. Сейчас, не медля, надо обращаться в Росимущество РФ по процедуре передачи здания церкви в собственность Каменской епархии. Недавний визит Патриарха Кирилла в Екатеринбургскую митрополию должен ускорить решение всех имущественных епархиальных вопросов, будем молиться за успех благого дела.

Главной красотой и живописнейшим видом на природу в селе Заводоуспенское был и остается пруд, образованный в низине, при слиянии двух рек Катырла и Айба. Во все времена года он радует глаз и успокаивает душу в мирской суете. Обилие рыбы в пруду привлекает сюда множество любителей летней и зимней рыбалки, как местных жителей, с окрестных деревень, так и приезжающих сюда из дальних мест Урала и Западной Сибири. Когда работала местная бумажная фабрика, потреблявшая большие объемы воды на технологические нужды, пруд периодически расчищали от водорослей, планктона, ила портивших качество воды. От неё зависит качество выпускаемой конденсаторной бумаги, таких фабрик на территории Советской России было всего две. Сейчас осталась одна, в Ленинградской области.

В настоящее время пруд катастрофически зарастает. По всему периметру образовались болотистые забереги, на большой площади пруда видны плотные скопления многолетних зарослей, которые грозят появлению торможения проточных вод, а значит тотальному заболачиванию пруда. Если не принять действенных мер по его спасению, погибнет и этот оазис экологического благополучия вековой природной среды. Министерство природных ресурсов и экологии Свердловской области на мой запрос о состоянии пруда дало мне такой ответ: «... Возможность расчистки пруда на реке Бердянка в селе Заводоуспенское может быть рассмотрена после поступления заявки от администрации Тугулымского городского округа в Министерство природных ресурсов и экологии Свердловской области. Министерство не имеет полномочий по созданию баз отдыха и рыбных хозяйств. Организация подобных видов деятельности возможна с привлечением финансовых средств частных инвесторов». Осталось совсем не многое, подать такую заявку и Министерство природных ресурсов само найдет исполнителя и финансирование работ по расчистке пруда совместно с Тугулымским округом. Другого пути нет. Верю в успех такого необходимого дела. Тогда можно будет базу отдыха строить и, дом рыбака и охотника. Это немного оживит жизнь нашего села и украсит его, а это значит, что село не умрет, не сотрется с лица земли и карты Великой России!

Смена государственного устройства любой страны сразу или постепенно отражается на жизни народа, судьбе каждого из нас и, плохо когда, неопределенность довлеет на всем укладе существования. Живешь и не знаешь, что ждет тебя впереди, к чему готовиться, а может

быть уже ничего не ждать и плыть по течению, куда— то, да приберешься. Силу и уверенность в завтрашнем дне придает предвидение-правда Народного писателя-мыслителя Земли вологодской, Василия Ивановича Белова, знатока северных сельских территорий, народа, населяющего эти огромные пространства

В газете «Правда» за 18 декабря 1989 года, было опубликовано выступление Народного Депутата, писателя В.И.Белова на II съезде народных депутатов СССР. В своей программной речи он заострил вопрос на четырех законах: о земле, о самостоятельности местных Советов, о печати, о свободе совести.

«В народе с нетерпением ждут именно эти четыре закона. Но Верховный Совет либо не успел, либо не захотел всерьез их обсуждать... Мы часами обсуждаем вопросы... по эмигрантам, в то время как тысячи доярок и трактористов просто не доживают до нашей советской пенсии. У нас все готовится втайне. Например, рекомендации правительству по неперспективным селениям. Никто, кроме узкого ведомственного круга не знаком с планом по концессиям. Говорят, что русские разучились хорошо работать. Это клевета, просто им надоело работать на чужого дядю, надоело платить чужие долги... Все мы ждем принятия полноценных, действенных законов... Земельный закон должен быть долговечным и неизменным, но допускающим национальные, региональные особенности хозяйствования. Только при этом условии мы остановим процессы деградации трудовых и нравственных ценностей. Только при этой устойчивости восстановится крестьянское мастерство, прекратится беспорядочная миграция, пойдет на убыль пьянство... Новые экономисты готовы отдать неизвестно кому целые регионы родной земли, а своему крестьянину боимся дать то, что ему принадлежит по праву с исторических времен. Мы физически уничтожили миллионы русских крестьян, разорили их семейные гнезда, а теперь боимся честно об этом сказать. Боимся признать тот факт, что Россию грабили в течение многих десятилетий, продавали художественные шедевры, транжирили природные ресурсы и лес, в том числе. Вокруг моей деревни Тимониha, Вологодской области, за годы Советской власти леса были начисто выхлестаны, теперь пустыня вокруг моей лесной деревни. Грабеж продолжается и сейчас, в эту самую минуту. Не знаю как в Сибири, но у нас на северо-западе спелых лесов уже нет. При этом Госплан и Минлеспром продолжают политику безжалостной вырубке лесов, всех назначений и сортов. И доколи, это безобразие будет продолжаться, хочу спросить «большое» начальство всех рангов?!

Мы продаем за границу кругляк. Чтобы удовлетворить ненасытный аппетит отечественных и зарубежных фирм, лесные «специалисты» решили снизить возраст вологодских лесов, подлежащих вырубке. Да, я утверждаю, что растраниживание природных богатств России продолжается. Потоки нефти, газа, миллионы тонн ценных минералов и руд, миллионы срубленных хвойных деревьев текут и текут за пределы страны. Русский народ обманут, Россия оскорблена и унижена. Верхние эшелоны власти об этой вопиющей несправедливости прекрасно знают, многие народные депутаты догадываются, а широкие неродные слои чувствуют этот грабеж на своей, извините, за грубость, шкуре.

Заканчивая выступление, я должен повторить требования, которые наиболее часто звучат в тысячах писем и телеграмм, полученных мною от избирателей и читателей.

Первое. Реабилитировать крестьян, репрессированных и раскулаченных в 20-30-х, 40-50-х годах.

Второе. Вернуть православные и другие храмы и монастыри прежним владельцам, это самое многочисленное требование.

Третье. Восстановить исторические названия городов, улиц, площадей. Это не просьба, требование.

Четвертое. Создать свободные российские средства массовой информации.

Я готов ответить за свои слова не только перед депутатами, но и перед любой депутатской комиссией».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.